
ТЕНЬ ТЕМНОГО АНГЕЛА

18+

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ
"МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР"

МАРАТ КАБИРОВ

Марат Рафилович Кабиров

Тень темного ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48487572

SelfPub; 2021

Аннотация

Десятки тысяч читателей побывали на этом самом страшном острове и остались живы. Теперь ваша очередь.

Знаменитый татарский писатель Марат Кабиров перенесет вас на печально известный остров с привидениями, усеянный тысячами жутких существ, где на вас смотрят не только их ледяные глаза. Вас встретят звуки разбитого стекла, нечеловеческие крики, жуткие звуки пения, светящиеся глаза в тумане, таинственные огни, ночные кошмары. Вместе с загадочными туристами, которых приманили сюда не случайно, вы плавно погрузитесь в атмосферу хоррора, в бездну собственных страхов. Вы почувствуете ужас и восхищение.

Для поклонников таких писателей, как Стивен Кинг, Дин Кунц, Рэй Брэдбери, Бенгли Литтл, а также других авторов фильмов ужасов и детективов. Надеемся, что книга вам понравится!

Марат Кабиров

Тень темного ангела

Женщины – божественны. Женщины – творения. Женщины даруют счастье. О, Богиня, все, что есть в этом мире, пребывает в форме женщины. Каждая женщина должна почитаться всем миром.

Шактисангама-тантре Кали-кханда 3.142-143

Ид не терпит неудовлетворения. Ид всегда ощущает напряжение нереализованного желания.

Зигмунд Фрейд

Сначала это было выдумкой, потом суеверием, а потом непоколебимой верой. Это была... блуждающая фантазия. Но кончилось все это плохо. Очень плохо...

Стивен Кинг

I. Пригласительный билет

Казань. Татарстан

Старушка Фатима привычным движением положила монетки в карман и принялась читать молитву:

– Раббана фатина хасанатан...

Вдруг краем глаза увидела его. На какое-то мгновение, забыв обо всем, старушка повернулась в его сторону. Да, это был он. Как и прежде, в черной кожаной куртке и джинсах. Коротко остриженные волосы зачесаны вперед, черные очки. Движения спокойны, мужественны, весь его облик напо-

минает льва, готового в любую минуту броситься на врага. Мужчина остановился. И, встав у газетного киоска, стал тихонько наблюдать за старушкой.

– Пусть Всевышний дарует тебе здоровье и долголетие, – продолжила Фатима свою молитву. – Пусть доведется тебе жить, радуя родителей и чувствуя заботу своих детей. Аминь!

Сделав привычное движение руками по лицу, она снова взглянула в сторону киоска, но мужчины там уже не было.

– Боже, неужели мне уже мерещится, – пробормотала старуха и поморгала глазами.

В это время какая-то женщина подала ей деньги.

– Спасибо, дочка, живи, окруженная вниманием детей, – сказала она, но молитву читать не стала. Сама, не замечая того, она глазами искала мужчину, даже несколько раз повернулась на месте, но его нигде не было.

Неожиданно в ее руки положили еще деньги. Старушка застыла в оцепенении: деньги были бумажные. Фатима не верила своим глазам: ей подали целых тысячу рублей! Не зная, что сказать, она повернулась в сторону подавшего. Однако рядом никого не было. Старушка увидела лишь спину отдалившегося от нее мужчины. Черная кожаная куртка. Это был он.

Выйдя из оцепенения, Фатима метнулась за ним. Но догнать было невозможно.

– Сынок, подожди... Давай я прочитаю тебе молитву, –

обратилась она к нему. Но голос ее был очень тих. Мужчина все больше отдалялся. Фатима долго всматривалась, стараясь найти в нем знакомые черты. Даже тогда, когда тот скрылся за углом дома, она мысленно продолжала искать в нем что-то родное. Но все было бесполезно. Среднего роста, с красивой мужской осанкой, в черных очках, в такого же цвета кожаной куртке он ей был совершенно незнаком. Он был не тот, кого она так долго ждала.

Старушка опять посмотрела на деньги. Этого мужчину Фатима заметила неделю назад. Тогда он не дал ей денег, но наблюдал за ней с какой-то осторожностью и упрямством. Она вначале не обратила на это внимания: что ни говори, в Казани много любопытных. Возможно, некоторые из них находят удовлетворение, наблюдая за теми, кто просит подаяния. Но когда мужчина появился на второй и третий день, старушка не на шутку испугалась. Ведь, говорят, есть бандиты, которые грабят даже бедных. Как бы этот не оказался одним из тех злодеев. Не зря же, наверное, этот здоровяк бродит по улицам? Современная молодежь ничего не делает просто так. Даже первое произнесенное ими слово сейчас – «деньги».

Но то, что мужчина подал ей тысячу рублей, в корне уничтожило все ее подозрения. Разве может человек, желающий тебя ограбить, подать столько?! Как бы не так! Если он, конечно, не твой родственник. Но Фатима не признала в нем своего. Он не мог быть ее родственником. Это был совер-

шенно чужой ей человек.

Не первый день просит старуха милостыню. Одной пенсии не хватает, вот она и подалась просить на улицу. Второй год уже пошел. Некоторые стали узнавать ее, кого-то знает она. Есть и такие, кто здоровается с ней, спрашивает о житье-бытье. Так как она здесь единственная татарка, просящая милостыню, все татары подходят именно к ней. Некоторые приходят в день зарплаты и подают ей даже по 100 рублей. Фатима не ленится посвятить каждому молитву. Все этому только рады. «Бабушка, если я перед гастролями прихожу к тебе, – говорит приноровившаяся ходить к ней известная артистка, – они всегда проходят удачно.» Но до сих пор никто из них ни разу не подал ей тысячу, хотя за день набирается немало: на хлеб-молоко хватает.

Если б она жила одна, то подавания ей хватало бы на все: и на еду, и на одежду, и на оплату комнаты общежития. Хватало бы!

Но у нее есть непутевый сын – Радик. Из-за него она не выходит из долгов. Целый год уже не платила и за комнату в общежитии. Комендант каждый раз грозит выселить ее. Вот только в последнее время почему-то молчит.

Старуха положила в карман тысячу и поспешила на остановку. На сегодня хватит. Пока есть деньги, надо расплатиться с долгами. Благо вчера и пенсию принесли. Небольшая, но все же прибавка. Только долг за комнату достиг уже двадцати тысяч. Как расплатиться?

В трамвае было немногочисленно. Старушка села на свободное место у двери. Она не любила ездить в трамвае. Но на маршрутку уходит много денег, поэтому выбирать не приходится.

Если уж на то пошло, Фатима и городскую жизнь недолюбливает. Казань не для тех, кто родился и прожил всю жизнь в деревне. Даже воздух здесь другой. Единственная причина ее переезда сюда – это желание помочь Радике. В последние годы младшенький стал много пить. Из-за зеленого змия забыл обо всем. Жена его сначала терпела, но потом, не выдержав, забрала детей и ушла. Но обвинять ее грех. Немало пришлось пережить невестке, сколько водила она Радика по врачам. Пыталась и по-хорошему, и по-плохому, но когда поняла, что все бесполезно, ушла. Ничего хорошего от мужа она не видела: под глазом у нее никогда не сходил синяк. Сколько можно терпеть такие издевательства?! Ведь она еще женщина во цвете лет. Да и детей надо поднимать. Нет, никак не может она обвинять невестку. Слышала, вроде та уехала в Набережные Челны, вышла замуж. Пусть будет счастлива.

Когда сына бросила жена, Фатима привезла его в деревню. Ровно неделю выдержал здесь Радик. Не пил. Правда, и на работу не пошел, но это уже были мелочи. Водкой и в деревне не брезгают. «Если выйдет на работу, опять начнет пить», – думала она, поэтому и не торопила его. Но однажды сын заявил о своем нежелании жить в деревне.

– Уеду в город и устроюсь на работу, – сказал он. – И денег здесь мало, и не всем я пришелся ко двору.

Конечно, были и в деревне те, кто жил очень хорошо. Держали в большом количестве домашний скот, продавали мясо, молоко, пополняя тем самым семейный бюджет. Имели личные трактора, грузовые машины. О легковых автомобилях и говорить нечего. И об этом пыталась говорить сыну Фатима, но все бесполезно.

– Нет, мама, Казань – это Казань, привычное место.

Фатима думала, что сын получил урок из пережитого, помнел. Ведь нелегко терять семью, детей. Хотя и не подает вида, но в душе у него, наверное, кошки скребут. Возможно, в Казани хочет возобновить свои отношения с женой. Не плохой ведь парень, если бросит пить. Да и жена, наверное, не будет против начать жизнь сначала. Так думала старушка, поэтому не стала сильно перечить желанию сына. Но Радик, вернувшись в знакомые места, возобновил старые привычки. И старуха, желая все же поставить сына на правильный путь, сама переехала в Казань. Главное, заставить его бросить пить. А если он бросит ...

Перепробовала все: заговоры, кодирование, уколы. Но тщетно. В конце – концов, она была вынуждена пойти на улицу просить милостыню. Да и те деньги Радик то воровал у нее, то отбирал. Короче... Врагу не пожелаешь такой жизни.

Трамвай остановился. Фатима посмотрела в окно и оцепенела от неожиданности, однако, быстро взяв себя в руки,

бросилась к дверям. Она сразу узнала человека на остановке. Это был он. Спотыкаясь на ходу, Фатима подошла к киоску и остановилась перевести дыхание.

– Спасибо, – мужчина в черной куртке положил сдачу в карман и собрался уже уходить.

– Постой, сынок!

– А-а-а, и Вы здесь, – улыбнулся мужчина.

Старушка ожидала, что он растеряется или хотя бы удивится. Но, заметив спокойствие мужчины, пришла в замешательство сама. Что же ему сказать?

– Сынок, ты почему за мной следишь? – Она говорила шутливо, но в то же время с укором. И, поблагодарив в душе Всевышнего, что помог ей найти слова, продолжила, – уж не приглянулась ли я тебе?

Старуха надеялась, что он улыбнется, а, может, даже засмеется. Однако мужчина оставался серьезным.

– Я, бабушка, за вами не слежу, – он не сказал ей ни одного грубого слова, не изменился в лице. Но то ли в облике, то ли в его голосе чувствовалась какая-то неудовлетворенность. – Вы меня с кем-то путаете.

Старуха растерялась. Голос мужчины был способен убедить даже мертвого.

– Но эти деньги дали мне Вы, – сказала она, показывая ему 1000 рублей.

– Извините меня, я не хотел Вас обидеть.

– Ты меня не обидел, но мне хотелось бы прочитать мо-

литву за упокой души твоих близких.

– У меня нет близких.

– Но родители-то у тебя есть?

– Я детдомовец.

– Но ты...

– Извините меня... – Мужчина поспешил к автомобилю, что стоял неподалеку. Не успела старуха сделать и двух шагов в его сторону, как он сел, и машина тронулась с места. В ушах осталась звучать только песня, которая звучала из магнитолы машины:

Вернетесь однажды, вернетесь все равно,

Если у вас есть сердце

И не каменное оно... 1

С какой стороны ни возьми, но выходило, что мужчина не имел дурных мыслей. В этом не осталось сомнений. Во всяком случае, следил за ней не с целью ограбления. Но тогда зачем? С какой целью? Почему дал столько денег? До самых дверей общежития Фатима искала ответы на эти вопросы.

Дверь в комнату коменданта была открыта. Стараясь не попасться ему на глаза, старушка прошмыгнула мимо. И со стариком – вахтером поздоровалась только кивком. «Сейчас, даст Бог, принесу деньги, – думала она, поднимаясь по лестнице. – Хоть ненамного, но долг уменьшится».

Войдя в комнату, Фатима сразу же сморщилась от неприятного запаха, ударившего в нос. Посмотрев по сторонам, прошла в глубь комнаты и потянулась к старым книгам в

шкафу. Радик спал. Он опять пьян. Деньги должны быть на месте. Сын не имел привычки трогать книги. Он мог перетрясти все: карманы, посуду, даже обувь, но к книгам не при­трагивался никогда. Но сегодня Фатима не нашла своих де­нег. Исчезла и вчерашняя пенсия и около трех тысяч, со­бранных ею. Она не верила своим глазам. Еще раз перебрала все книги. Затем взглянула на храпевшего во сне сына. Ей захотелось избить и даже убить его. Оторвать бы ему голову. Но она сумела только промолвить: «Сволочь», и бессильно опустила­сь на стул. Перед глазами промелькнули картины одна страшнее другой. Немного успокоившись, она выложи­ла на стол из кармана мелочь и принялась их считать. Сла­ва Всевышнему, набралось 180 рублей! Плюс тысяча. Пока они не попали в руки этому окаянному, надо расплатиться с комендантом.

Старушка еще раз перелистала книги и пошла к комен­данту. Хотя она и была довольна сегодняшней выручкой, но очень переживала за потерянные деньги:

– И почему я сразу не отдала их коменданту, ведь знала, что сын непутевый. Поздно! Сама виновата...

– Фатима, забыл тебе сказать, – встретил ее вахтер, – тут письмо есть.

Старушка была погружена в свои мысли и поэтому не придавала его словам значения и лишь в комнате коменданта вздрогнула: письмо?! Много лет назад письма она ждала с нетерпением. Каждый день выходила навстречу почтальону:

– Дочка, нет ли мне письма?

– К сожалению, апа2, нет.

– И сегодня нет, да?

– Нет.

– Ну почему никто не пишет хотя бы строчку?

Если случилось, что не видела почтальона с утра, не ленилась, шла к ней домой. Иногда ей даже казалось, что дети ей пишут, а вот девушка-почтальон забывает отдать ей письма или делает это нарочно. Даже иногда ругалась с ней из-за этого.

Но со временем Фатима потеряла всякую надежду. «Наверное, сыновей уже нет в живых, – думала она. – Были бы живы, неужели бы не подали весточки? Только бессердечные могут так поступать. Нет, их нет в живых». Вот младший так ее не мучил. Писал ей из армии. А когда женился и стал жить в Казани, регулярно приезжал, интересовался ее здоровьем, невестка раз в неделю обязательно звонила, хотя бы раз в месяц писала. Да, невестка у нее была очень хорошая. Жаль, сын не сумел оценить ее. Как только она уехала, некому стало писать ей, интересоваться ее здоровьем. И она, как прежде, уже не ждала писем. Да и не от кого было их ждать!

Только сейчас, когда дошел до нее смысл слов вахтера, ее сердце вздрогнуло. Письмо! От кого оно может быть? А, может, от детей? Нет... Наверное, нет...

– Вот хочу часть долга заплатить, остальную верну попозже.

Но комендант почему-то не торопился брать у нее деньги, а лишь загадочно улыбнулся. Старуха не на шутку испугалась. Неужели решили ее выселить?

– Не волнуйтесь, за вас уже заплатили, – сказал он, улыбувшись. – Позавчера еще заплатили. Вы можете еще полгода жить и не платить ни копейки.

У нее подкосились ноги. Она буквально рухнула на стул, стоявший поблизости и, думая, не шутит ли, пристально посмотрела на коменданта.

– Ты правду говоришь, сынок?

– Конечно, правду, разве этим шутят?

– Да как же это, кто мог заплатить?

– Не знаю, имени не сказал.

– Мужчина или женщина спрашиваю?

– Мужчина.

– Кто это интересно? А он ничего не сказал?

– Нет.

– Какой хоть он? Как хоть выглядит?

– Как сказать, мужчина лет сорока.

– Ты встречал его раньше?

Комендант пожал плечами.

– Похож он чем-нибудь на Радика?

– На Радика, – усмехнулся комендант. – Нет, на него совсем не похож.

Старуха встала и без слов направилась к двери. Зря она задала последний вопрос. Комендант Радика за человека не

считал. Вон ведь как усмехнулся. Ей вдруг стало стыдно. Стыдно, а ведь она просто хотела узнать, не ищет ли ее кто-нибудь из детей. И хотя Фатима давно уже смирилась с мыслью, что сыновей нет в живых, но сейчас почему-то вспомнила именно о них. Она ведь не видела их мертвые тела, не знает их могил. А такие большие деньги могут перевести только свои дети. Он ведь не только долг заплатил, но еще и рассчитался за предстоящий год. А это почти 30 тысяч! Сказать только легко.

– Фатима, тебе письмо.

– А?

– Тебе пришло письмо.

– От кого?

– Адрес непонятен. Сама прочитаешь.

Старуха взяла письмо и, по пути разглядывая его, направилась в свою комнату. У нее перепутались все мысли. Может, и вправду жив кто-то из сыновей? И деньги, наверное, он перечислил, и письмо написал. Войдя в комнату и посмотрев по сторонам, она разорвала уголок письма. Но вдруг резко остановилась. Ей было хорошо. Она захотела продлить это ощущение. Ей показалось, что она вскрыет письмо и столкнется с какой-то неожиданной плохой вестью. Но любопытство оказалось сильнее.

– Радик! Сынок!

Однако пьяница ее не услышал. Старушка дрожащими руками начала открывать конверт. Взглянув на письмо, поня-

ла, что это не то, что ждала. Оно написано не от руки. Это был печатный текст.

Немного сморщив брови, она прочитала его и поморгала глазами. Сначала Фатима не поняла, что прочитала. А когда поняла, не могла поверить. Письмо было на имя Радика. Она еще раз взглянула на строчки, заставившие учащенно биться сердце:

– Приняв участие в розыгрыше лотереи, проведенной спиртзаводом «Золотые колосья», Вы выиграли 100 тысяч рублей.

100 тысяч! До сих пор даже в руках таких денег не держали. Да и сейчас не хочется верить, что все это правда. Но ведь черным по белому написано. Указано, куда нужно подойти и за выигрышем. В Петербург! Сказано, что дорога, проживание и питание оплачиваются за счет завода. Если то, что написано, правда, это огромное счастье, но сердце Фатимы пронзило какое-то чувство зависти. Она всю жизнь работала в поте лица, но не заработала столько, а тут какой-то пьяница... Нет, нельзя так думать: ведь это ее сын.

Старушка снова обратилась к спящему сыну:

– Радик, сынок!.. Просыпайся!.. Вставай!

Радик не просыпался. Старуха погрузилась в свои мысли. Одного его отправлять нельзя, все деньги пропьет. Кого же отправить с ним?

Ново-Михайловка. Московская область.

– До свидания, Михаил, да поможет тебе Бог!

– До свидания, братья!

Выйдя из железных ворот церкви, еще раз оглянулся назад. Нелегко было покидать места, где когда-то нашел душевное успокоение. Но и дальше оставаться здесь уже не мог. Что-то изменилось в нем, появились сомнения в правильности избранного им самим пути, и это превратило его жизнь здесь в ад.

Церковь – святое место. А прошлое Михаила не позволяло ему жить среди святых. Он стал изучать религиозные каноны, был в хороших отношениях с духовными братьями, да и прихожане считали его своим. Все здесь было хорошо, все свято. Только вот эта святость не давала ему жить, тревожила его душу, день превратила в ночь.

Дойдя до конца улицы, еще раз взглянул на купол церкви и повернул направо. Здесь его знал почти каждый. А сейчас приходится уйти не только из церкви, но и из этого городишка. Проведет здесь еще несколько дней и тронется в дорогу. На случай ухода из церкви он заранее снял для проживания однокомнатную квартиру.

Хозяйка квартиры Татьяна Сергеевна ждала его у подъезда. Вернее, она ждала не его, а мужчину, который за два дня до этого по телефону заказал квартиру и назначил место встречи. А сейчас, увидев духовное лицо, шагающее прямо к ней, растерялась.

– Татьяна Сергеевна? – обратился он к женщине.

– Михаил? – казалось, весь ее облик противился увиденному.

Михаил кивнул. Женщина, желая скрыть свое смятение, резко шагнула в подъезд. Михаил молча последовал за ней.

Квартира была на первом этаже, они вошли в дверь.

– Отец Михаил, Вы будете одни? – спросила женщина, и сама же смутилась своего вопроса. – И посуда, и постельные принадлежности приготовлены только для одного. Если у Вас будут гости, посуда вот в этом шкафу. А постель я сейчас принесу.

Михаил покачал головой. Это была обычная квартира. Есть все необходимое и ничего лишнего.

– Хорошо, сказал Михаил, взглянув на шкаф, а про костюм Вы не забыли?

Женщина прошла в зал.

– Нет, сказать про это забыла, вот он.– Татьяна Сергеевна, достала из платяного шкафа костюм и протянула Михаилу.– Оденете, а потом, если что, позвоните, я здесь недалеко живу.

– Хорошо.

– Ладно, отец Михаил, располагайтесь. Если что потребуется, телефон мой знаете.

Когда Татьяна Сергеевна ушла, Михаил какое-то время в оцепенении стоял посередине комнаты, а потом подошел к окну. Вид из окна был неплохой. Но внимание его привлекло совсем другое. Он! Сначала Михаил не поверил своим

глазам. Он увидел человека в черной кожаной куртке, синих джинсах и черных очках. Поняв состояние Михаила, тот стоял перед ним, улыбаясь. Но это была не доброжелательная, а какая-то ядовитая улыбка. Михаила словно холодной водой окатили. Он вздрогнул. Кто же этот человек? Что ему нужно? Михаил бросился к дверям и как-то очень быстро вышел к подъезду. Посмотрел туда, где стоял незнакомец и остолбенел: там никого не было.

Вернувшись в квартиру, он взглядом измерил оставленный Татьяной Сергеевной костюм и снял свою одежду. Затем, взяв из котомки все необходимое, направился в ванну.

Какое-то время постоял у зеркала, поглаживая свою черную бороду. В глазах – безграничная тоска. Приняв решение, он взял в руки ножницы. «Если бы можно было вот так же отрезать прошлое», – подумал он, отстригая первый клоч. И, испугавшись, что передумает, начал быстро работать ножницами.

Он, конечно, был грешен.

Нет, не только потому, что душой стал отходить от церкви. Он, естественно, поступил правильно, когда после тюрьмы, не найдя нигде работы, пришел именно сюда. Этим он спас себя от более страшных ошибок. Душа его нашла здесь определенное успокоение. Казалось, что духовные служители простят ему прежние грехи. Во всяком случае, они смотрели на него, как на равного. Но именно это равноправие выводило его из себя. В глубине души его терзали извест-

ные только ему переживания, пережитые им события. О них он никогда, ни при каких условиях не расскажет ни одному из своих духовных братьев. Эти переживания и порождали в нем бесконечные раздумья. А размышления привели к сомнениям в правдивости церкви. Нет, грех его заключался не только в том, что он ставил под сомнение религию. Если на то пошло, то церковь- сама очаг греха. Сейчас он это хорошо понимает. И поэтому нет необходимости разглагольствовать: «Живем в тяжелое время. Не осталось ничего святого». Время никогда не было легким. Да и церковь не всегда была такой. Она сама противостояла Слову Христа. И Михаил повторил про себя: «Господу Богу поклоняйся и Ему одному служи». По привычке вспомнил и откуда это изречение: «Евангелие от Луки 4:8». Здесь же не сказано поклоняться церкви, духовным лицам. И не сказано, что путь к Богу лежит только через церковь. Следовательно, можно и вне церкви остаться преданным Богу. Однако церковь не хочет это признать, запугивает отошедших от нее различными наказаниями. А тем, кто ей предан, обещает отпущение совершенных, совершаемых и тех, что совершат, грехов. А ведь человеческие грехи может отпустить только Бог. Так что такое церковь? Неужели это сам Бог?! Какое право имеют простые смертные братья на себя функции самого Бога?! Если смотреть с этой точки зрения, оказывается, что церковь сама противоречит Всевышнему... И не только это. Она является мошенником, который, опираясь на доверчивость населе-

ния, используя их душевные переживания, гребет от них же деньги. Вот так! И это невозможно объяснить лишь тяготами современной жизни. Так было испокон веков.

Он не считал себя виновным из-за того, что его мысли пришли в противоречие с религией. Особо не беспокоился и по поводу того, что являлся полноправным членом этой организации мошенников. Он уже не ребенок и хорошо понимает, что в этой жизни нельзя прожить без обмана. Не придавал он большого значения и тому, что по обвинению в убийстве человека попал в тюрьму. Хотя, конечно, это для него было большим потрясением. Оно перевернуло всю его судьбу, перечеркнуло все планы. Но парень отсидел весь положенный срок и постарался забыть об этом. Только Бог и он сам знают, что он не убийца. За всю свою жизнь он не прерывал ничьей жизни. Он просто оказался не в том месте и не в то время и не смог доказать своей невиновности. Если подумать, смешная эта штука жизнь. Не достаточно только жить честно, надо еще свою честность доказывать. Но все прошло. Теперь уже ничего не вернуть. Да это и не нужно. Теперь он совершенно другой человек.

Бороду он не сбрил до конца. Испугался, что станет похожим не понятно на что, поэтому оставил ее толщиной в палец. А ведь была борода до самой груди! А сейчас стала такой аккуратной. Даже не чувствуется, что есть она. Почувствовал какое-то облегчение. Поворачивал голову то вправо, то влево- он никак не мог привыкнуть к своему помолодев-

шему лицу. Почему-то ему захотелось засмеяться. Заполнив комнату громким смехом, он вдруг резко остановился. Глаза наполнились тоской. На них навернулись слезы. Казалось, они вот-вот закапают. Он опустил глаза и застыл, глядя на кучу, что раньше была его бородой. «Вот бы и от грехов так же избавиться», – подумал он еще раз .

Он был грешен. К раздумьям о грехах, оказывается, подтолкнул его мужчина в черной куртке, которого он увидел из окна. С первой встречи с ним он потерял спокойствие. Черная куртка пришел в тот день на исповедь. Рассказав обо всех совершенных грехах, он попросил их отпущения. Отец Михаил должен был отпустить его грехи. Но по мере рассказа этого человека он чувствовал, что теряет силы. А в конце еле-еле смог произнести слова, которые до этого повторял по тысячу раз, и побрел в свою келью. Он был бледен; долго сидел без движения, уставившись в одну точку. Очень долго. И с тех пор начал страдать бессонницей. Ночами вспоминал свое прошлое, детство, родную деревню. Душу обуяла безграничная тоска. В нем зародилось недовольство его сегодняшним состоянием. Именно этот мужчина в черной куртке и заставил его оставить церковь. Конечно, в жизни бывают и случайные совпадения. Но появление мужчины в черной куртке и его просьба об отпущении грехов не были случайными. Его приход на исповедь именно в день службы отца Михаила не мог быть случайным. Даже если все это было бы случайным, вся его жизнь... Нет, он ведь рассказы-

вал не о своей судьбе. Он рассказал о том, что пережил отец Михаил. За это и попросил отпущения грехов. Он даже знал про Анну...

Устав от своих раздумий, Михаил принялся подметать пол. Подобрал с пола волосы, аккуратно их завернул и положил в мусорное ведро, а затем пошел принимать ванну.

Выйдя из ванны, аккуратно свернул церковную одежду и сложил ее в мешок. Затем надел нижнее белье. А когда надел и футболку с трико, встал возле зеркала и некоторое время, улыбаясь, смотрел на себя. Казалось, одежда повседневной жизни ему очень идет. Затем все содержимое котомки выложил на стол. Хотя у него всего осталось и не так много. Документы, толстая тетрадь, нижнее сменное белье в полиэтиленовом мешке, довольно толстый кошелек. Он не был бедным человеком, да и в сберегательном банке у было достаточно денег. Толстый кошелек был нужен для того, чтобы не растеряться перед неожиданностями новой жизни. Затем, положив и котомку в мешок, понес его на улицу. Вернулся через некоторое время. Виновато улыбнулся. Если бы кто-нибудь сказал, что отец Михаил бросил церковную одежду на мусорку, этому никто не поверил бы. Да если бы это сказали ему самому месяц назад, и он бы не поверил, а только снисходительно улыбнулся бы. Но сегодня... Пошел на кухню, поставил чайник и тут зазвонил сотовый телефон. Это была Настя. Парикмахер.

—Я подъехала, какая у Вас квартира?

Через некоторое время показалась и она сама. Это была полная невысокого роста, обаятельная женщина. Она попыталась вначале вспомнить хозяина.

– Вы, вроде, не из нашего города,– сказала она и тут же, достав все необходимое, добавила,– давайте начнем.

Михаил молча сел в кресло напротив зеркала. Настя положила ему на плечи покрывало и приступила к работе.

– Какую прическу хотите?

Михаил только пожал плечами.

– Вы же не рокер, наверное?

Михаил покачал головой.

– Просто волосы отрастили, – оправдывалась женщина, – по телевизору ведь показывают. Как будем стричь? Подкоротим?

– По-спортивному. Коротко.

– Правильно,– улыбнулась женщина.– Летом нужно носить короткую прическу. Пусть голова тоже чувствует солнце.

Некоторое время спустя волосы клоками стали падать на пол.

– Какими ветрами в наши края?

– Командировка.

– Неужели не было места в гостинице? Здесь же, наверное, дорого?

Михаил только пожал плечами.

– Работа с командировками – хорошая работа, – сказала

женщина мечтательно. – Во многих местах бываешь, с новыми людьми встречаешься. Вот я из этого городишка уже 15 лет никуда не выезжала.

Михаил молчал. Женщина пыталась еще что-то говорить, но, поняв, что клиент неразговорчив, тоже замолчала. Только в конце работы спросила:

– Нравится самому-то?– и тут же добавила,– совсем другим человеком стал.

Михаил в ответ кивнул и улыбнулся. Ему нравилось.

– Мулла...– улыбнулась Настя.

– Что?

– Когда еще училась, ездила в гости к сокурснице, в татарскую деревню. Вот у них там был мулла. Увидев тебя, вспомнила его. Если обидела, извини.

Михаил улыбнулся, но в глазах его вдруг появилась тоска.

– В какую деревню? – спросил он неожиданно даже для себя. – В какую деревню ездили?

– Название теперь уже не помню. Это было недалеко от Казани.

Михаил ничего не сказал.

Настя собрала свои вещи и вышла.

Он же остался сидеть на месте, продолжая глядеть в зеркало.

– Мулла, – горько усмехнувшись, произнес он. – Мулла...

Он, действительно, преобразился. Хотя это и радовало, но его волновал вопрос: как к этому отнесется Анна и узнает ли

она его. Представив их встречу, он улыбнулся. Анна, конечно, удивится, увидев человека, похожего на муллу. Сначала не узнает, а потом по привычке громко засмеется и обнимет его. А что будет делать Сергей? Этот двухгодовалый карапуз какое-то время будет сторониться его. А потом, как мать, громко засмеется. Приятно было Михаилу представлять эти моменты. Воспоминания о них доставляли ему безграничное удовольствие. Даже во время своего «заточения» в глухих застенках церкви, даже во время богослужения он не мог не вспоминать их. В начале, когда он встал на скользкий путь разврата и еще чувствовал неловкость за свои грехи, он уже благодарил судьбу за встречу с Анной. Хорошо еще, что она есть в его жизни. Хорошо, что есть Сергей. Конечно, об их связи в этом городишке знают немногие. Но скоро, совсем скоро они начнут жить по-человечески, одной семьей. Да и Сергей не будет относиться к нему как к появившемуся откуда-то хорошему дяденьке.

Михаил опять уставился в зеркало. Нет, он не похож на муллу. Сейчас так выглядят бизнесмены. И еще некоторые...

Он набрал номер Анны.

– Как дела, дорогая?

– Хорошо, – улыбнулась женщина. Михаилу даже показалось, что видит ее улыбку. – Мы готовы. Ты когда приедешь? Тут на твое имя письмо принесли.

– Какое письмо? Как на мое имя?

– Не знаю, Миша. Не вскрывала. Думала, приедешь и сам

посмотришь.

– Подожди. Как это письмо передали тебе? Подумай сама.

– И я удивилась.

– Кто тебе его дал?

– Я подумала, что это кто-нибудь из твоих близких. Думала, письмо от тебя, а оно адресовано тебе. Адреса нет, написано только имя и фамилия.

– Какой мужчина?

– Обыкновенный. Где-то около сорока лет. Красив. В черных очках, да и одежда, вроде, черного цвета. Да-да, черная куртка, джинсы. Я еще подумала, почему он в летнюю жару в черной куртке. Среднего роста. У тебя есть такой знакомый?

Михаил на какое-то время замолчал. Как бы ища что-то, пробежался взглядом по комнате. И вдруг резко посмотрел в окно. Нет, этого не может быть. Но глаза не обманывали его.

– Коротко остриженные волосы зачесаны вперед, черная футболка, черная куртка, голубые джинсы, а на ногах... На ногах... Сейчас скажу...

– Ты его знаешь что ли?

– Он стоит сейчас перед моим окном. – Михаил поспешил к двери. – Я тебе перезвоню. А сейчас поспешу познакомиться с таинственным гостем. До свидания.

Нацепив на ноги, что попало, он выбежал на улицу. Прошло не более минуты. Но человека на месте не было. Он куда-то скрылся. Михаил посмотрел вокруг, но его не увидел. Недалеко от подъезда есть арка, ведущая в соседний двор.

Он скрылся, скорее всего, там. Иначе и быть не может. Михаил побежал к арке. Но и там никого не было. Он походил еще какое-то время, пристально осматривая все вокруг. Заглянул во все потаенные уголки, посмотрел все подъезды. Но мужчины в черной куртке не было. Он исчез за какую-то минуту. Так не может быть! Не разверзлась же под ним земля?

Стремясь не оставить без внимания ни одно движение, ни один эпизод, он пошел обратно. Тихо вошел в свою квартиру. Ничего подозрительного не увидел. Прошелся взглядом по комнате. Ему показалось, что что-то изменилось. Возвращаясь, он заметил, что забыл закрыть дверь, поэтому, наверное, и засомневался теперь. Изменений никаких не было. Однако... Михаил осторожно вошел в кухню. Бросил взгляд на шкафы, раковину, посуду. Только после этого заметил на столе конверт. Но взять его он не торопился. Выйдя в зал, еще раз проверил комнату. Посмотрел в окно. Хотел увидеть в нем силуэт мужчины в черной куртке. Но там никого не было. Через некоторое время он вернулся в кухню и взял конверт. Взял и вздрогнул. По спине пробежал холодок.

Это было обыкновенное письмо, в обычном конверте.

Вздрогнуть Михаила заставил адресат. В строчке «кому» стояло постороннее имя. Но письмо это было ему, Михаилу. А имя ему было знакомо, очень знакомо.

Хасанбай. Башкортостан.

Хамит проснулся, но какое-то время не мог ничего по-

нять. Осмотрелся. В доме было тихо, слышалось только дружное похрапывание. В падающем из окна лунном свете он увидел спящих на полу детей и, стараясь не наступить на них, подошел к кровати, где спала жена. Мозолистыми пальцами погладил ее волосы, поцеловал в щеку. Женщина, что-то ласково пробормотав, повернулась на другой бок. Не проснулась. Пусть спит. Хамит, боясь даже дышать, какое-то время еще постоял возле нее. Ему показалось, что он слышит сердцебиение ребенка в утробе матери. Улыбнулся. Ему захотелось положить руки на живот жены и «поговорить» с ним, но он сдержал себя. Ребенка в утробе уже не было. Три недели назад у жены случился выкидыш. А Хамит до сих пор не мог примириться с этим. Ему все еще казалось, что Лена беременна.

Он снял с гвоздя у двери стеганку, калоши взял в руки и, стараясь не скрипеть дверью, вышел из дома. Включил свет, надел стеганку. Достал из кармана папиросы и закурил.

Проснулся он из-за странного сна. Ему приснилась их корова. Будто бы сильно устав за день, он заснул. Проснулся на скрип двери и, увидев, кто входит, еле сдержался, чтобы не закричать от страха. В двери входила их стельная корова.

– Пошла! Мать твою!

Хамит хотел вскочить и выгнать корову, но она вдруг заговорила человеческим голосом:

– Не гони ты меня. Я ведь пришла к тебе с просьбой.

– Ты?.. – Хамит от удивления даже открыл рот.

– Извини, – сказала корова с таким видом, словно пришла для серьезного разговора. – Я не хотела тебя напугать. Но возникло неотложное дело. Нам необходимо поговорить.

Затем она достала две папиросы, одну протянула Хамиту, другую, взяв с полога печи спички, прикурила сама. И как будто всю жизнь курила, затянувшись, пустила дым в Хамита.

– Здесь поговорим или во дворе?

Хамит посмотрел на кровать, где спала жена. К счастью, она не проснулась. Повернулся к корове:

– Затуши папиросу, не видишь что ли?

– Тогда выйдем, поговорим. – Корова повернулась к двери, – Дома, наверное, нельзя курить.

– Тебе вообще нельзя курить, – сказал Хамит, указывая на ее живот. – Что хочешь лишиться теленка?

Корова громко засмеялась.

– Я как раз пришла поговорить об этом.

При выходе из дома Хамит споткнулся о порог, чуть не упал и, вздрогнув, проснулся. Открыл глаза, но в темноте ничего разобрать не мог и поэтому лежал, думая, во сне все это или наяву. Кроме тихого похрапывания детей и жены ничего не было слышно...

Он не знал, как истолковать этот сон. Хотя, что его толковать: в хлеву лежит его стельная корова. Надо выйти и посмотреть. Отел коровы для сельчанина – это святое дело. Ему приходилось холодной зимой просыпаться среди ночи,

услышав: «Ваша корова отелилась». Он выходил и видел, что корова, действительно, отелилась. А если бы не вышел, теленок замерз бы от холода. Вот и гадай, какой это голос был. Такое в жизни сельчанина случается часто. Но дело не только в этом. Люди привыкли к таким «весточкам», они воспринимают их не как чудо, а как природное явление.

Хамит затушил папиросу и вошел в хлев. От мысли, что вот сейчас включит свет и увидит курящую корову, его бросило в дрожь. Но ничего этого не было. Корова лежала тихо и жевала. При виде хозяина она приветливо замычала. Хамит подошел к ней, ласково почесал ее за шею и, пожелав счастливого отела, вышел. Та проводила его долгим взглядом.

Душа Хамита переполнилась какой-то безграничной теплотой и любовью ко всему живому. Рождение новой жизни, даже независимо от кого, ласкало душу, заставляя смотреть на жизнь светлыми глазами, любить ее.

Хамит снова закурил. Говорят, над деревней висит какое-то проклятие. Он стоял и смотрел на звезды. Они сияли очень ярко. На небе не было ни тучки, ни облака. Ничто не говорило о проклятии. Вдруг за хлевом послышались звуки, похожие на стон. Хамит прислушался. Звуков больше не было слышно. Он было, уже потянулся к ручке двери, как опять ему что-то послышалось. В этот раз это был шепот. Хамит прислушался. Потянулся опять к ручке двери, но желание заходить в дом пропало. Как бы корова не отелилась. Хотя, вроде, до утра должна дотерпеть. Но разве можно предуга-

дать состояние скотины, ведь они не могут говорить. Хамит опять направился к хлеву. Вдруг его осенило: звуки-то идут не изнутри, а снаружи, за хлевом со стороны переулка. Не уснул ли кто пьяным? Хамит направился в ту сторону.

С каждым шагом звуки становились все слышнее. Он отчетливо слышал стоны. «Что бы это значило? – думал он. – Может, пытаются что-нибудь своровать? Посреди ночи могут только воры ходить». Но когда понял, что один голос принадлежит женщине, остановился. Они лежали в скирде соломы, что в углу за хлевом. Поняв, в чем дело, он улыбнулся, вошел внутрь хлева и, открыв немного ворота, ведущие к скирде, стал наблюдать, желая узнать, кто же там. Но самое интересное уже, вроде, прошло: они уже не стонали. Мужчина, сверкнув при свете луны своими ягодицами, сделал еще два ленивых движения и остановился. Через некоторое время он встал на колени и одел брюки. Женщина схватила его за руки.

– Не торопись, – прошептала она, – мне хочется еще.

Мужчина грубо отбросил ее руку:

– Мне нужно идти.

– Женщина, прикинувшись обиженной, продолжала ласкаться к нему:

– Не уходи...

Но когда поняла, что ее слова не имеют действия, взяла бутылку, стоящую в сторонке и глотнула прямо из горлышка.

– Фу, блин... – вытерев тыльной стороной ладони рот, она

повернулась к мужчине, – а ты настоящий мужчина, Насим.

Мужчина уже встал.

– Я не Насим, – сказал он грубовато. – Осталось там еще?

– А ты кто?

– Какая разница? Давай.

– Здесь больше нет. Выпили. Пролили. Ха-ха-ха...

– До свидания.

– А разве ты меня не проводишь?

– Что?

– Ха-ха-ха... Попользовался и ушел... А мне не хватило.

Мужчина не стал ее больше слушать. Он постарался без шума перебраться через забор и пошел в направлении соседней улицы. Он не был пьяным. Хамит узнал его по походке.

– Иди ты на... – выругалась женщина и еще раз отпила из бутылки. – Не осталось хороших мужиков. Ни туда, ни сюда... А мне не хватило. Не хватило.

И, уткнувшись в солому, она заплакала.

Хамит был зол на мужчину. Напоить женщину до такого состояния и бросить у кого-то на скирде. Но долго он злиться не смог, его обуяли другие мысли. Хамит был «голоден». Он давно уже не имел близости с женой. Нельзя. Но он ведь мужчина! А блестящие при свете луны голые ягодицы женщины были обольстительны. Даже то, что она была пьяна и вопреки всем нормам говорила о своей неудовлетворенности, будоражило его кровь.

Хамит тихо пошел в ее направлении. Женщина даже не за-

метила его приближения. Это еще больше подзадорило его. Сняв брюки и тихо опустившись на колени, он встал позади нее. Ласково, но сильно обхватил ее за талию. Женщина от неожиданности вздрогнула, попыталась оказать сопротивление, но когда поняла, что ей ничего не угрожает, играя ягодицами, сама стала прижиматься к Хамиту.

Он узнал ее. Это была Ляйля, которая два года назад приехала в деревню, чтобы учить детишек рисованию. А когда школу закрыли, она осталась без работы. Сколько людей осчастливила Ляйля, нарисовав их портреты. Руки у нее были золотые. Говорят, выпивать она начала тогда, когда ее любимый уехал в Уфу и стал сожителем с женщиной старше его на 10 лет.

Но Хамиту все это сейчас было неважно. Хотя Ляйля была пьяна и только что вышла из объятия другого мужчины, ее молодое тело излучало необъяснимую свежую энергию, заставляя от нежности биться сердце. Ее сладкое постанывание, умение в мгновение переходить в различные позы, нежные потягивания услаждали душу, заставляя представлять все не как разврат, а как святое дело, танец ангелов.

Как бы не старался Хамит думать о постороннем, протягивая наслаждение, не получилось. Впав в экстаз, он растворился в нем. Тяжело дыша, обмякнув и телом, и душой, он растянулся на соломе. Почувствовал себя виноватым. Ему показалось, что Ляйля снова скажет: «Еще». Но женщина ничего не сказала. Она, издав стон, заставляющий содрог-

нуться душу, нежно легла на грудь Хамита. Оба замерли. Казалось, прошло очень много времени. Нежные пальцы женщины стали теревить волосы Хамита.

– Спасибо тебе!

Этот ласковый шепот окунул все вокруг в нежность любви. Хамит сильнее прижал женщину к своей груди. Возбужденные, они вновь, забыв обо всем, окунулись в вулкан любовных страстей.

Обессилен от любовных утех, Хамит по-иному взглянул на то, что произошло. Сегодняшнее ночное похождение уже не казалось ему светлым, окрыляющим душу мгновением жизни. Это было развратом, необъяснимым безобразием. Он перешел какую-то невидимую черту, окунулся в какую-то невидимую грязь. И причиной этого была Ляйля. Обессиленная от разврата и спиртного молодая распутная женщина лежала на скирде соломы.

Хамит взял бутылку и отпил из горлышка. Показалось, что спиртное приглушило огонь внутри. А потом, налив спиртное на ладонь, начал все отмывать. Жгучая боль охватила тело, но он выдержал и это. Ему казалось, что таким образом происходит его очищение. Следовательно, спирт делал свое дело. Не дай Бог, свяжешься с такой развратной девицей и заработаешь болезнь. При мысли об этом сердце у него екнуло и он, сгоряча, отхлебнул еще раз из бутылки и поставил ее на землю. Застегнул брюки.

– Сожалеешь? – спросила Ляйля. Она уже встала с места

и начала одеваться. Хамит не ответил. Ляйля, не спеша, оделась и принялась причесывать волосы.

– Извини, – Ляйля пошла за скирду.

Хамит вроде как пришел в себя.

– Подожди! Не уходи, – сказал он, следуя за ней, – подожди немного.

Ляйля остановилась.

– Что?

Хамит не ответил.

– Я не больная, – сказала Ляйля с чувством неприязни. – Я никому о тебе не скажу. А ты думай, что хочешь, и говори, что пожелаешь. Мне пофиг. Пока.

Голос женщины вздрогнул. Она, резко повернувшись, собралась уходить.

– Ляйля! Подожди.

Хамит схватил ее за руку.

– Я... Гм... Я тебя... – Он вдруг замолчал, с какой-то яростью прижал ее к груди и, безудержно целуя, прошептал, – Спасибо тебе!

Враждебно настроенная было женщина, постепенно смягчилась и вдруг охваченная безграничной лаской прижалась к Хамиту и задрожала от страсти.

– Я совершил грех, перешел черту дозволенного, – прошептал Хамит, – но я, я не каюсь... Вернее, я каюсь, но не потому, что был с тобой....

Он сам удивился тому, что сказал. Но он говорил прав-

ду. Хотя Хамит и сожалел очень по поводу того, что совершил грех, изменил жене, но был безгранично доволен тем, что провел время с этой женщиной. Казалось, в Ляйле было что-то освежающее, не связанная с чистотой тела душевная чистота.

– Сегодня день моего рождения... – прошептала Ляйля. – Я... я уже больше года не имела близости с мужчиной. А сегодня... Сегодня я дала всем... Всем, кто встретился. Я позидевалась над мужчинами, как могла... Бедные... Знаешь, что... Мужики нас за людей не считают... Сделал дело и пошел...

Хамит молчал. Девушка, которая только-только вступила на путь любви, но уже успела искалечить душу, вроде, была права. Да и он не смотрел ли на нее, как на удовлетворение собственных потребностей? Даже в своей распущенности он хотел обвинить Ляйлю.

– Ты не такой, – сказала она, немного успокоившись. – Ты не думаешь только о себе. Счастливая твоя жена!

Разве может быть счастливой женщина, у которой муж, уйдя из дома среди ночи, развратничает с кем-то? Хамит даже вздрогнул от этой мысли. Это, вроде бы, даже Ляйля заметила.

– Нет, она действительно счастливая, – сказала она. – То, что было сегодня, не считается. Эта ночь – случайное явление.

Но мужчина чувствовал, что его ночные похождения вы-

ходят за границы случайности.

– Сегодня день моего рождения, – вновь повторила Ляйля.– Ты стал самым большим подарком для меня.

Она крепко поцеловала Хамита в губы и, резко повернувшись, ушла. Он остался стоять на месте не в состоянии сказать или сделать что-то. Даже придя в себя, Хамит не торопился домой. Ему казалось, что его одежда и тело пропитались чужим женским запахом, и стоит ему войти в дом, как он распространится вокруг. Нужно было немного проветриться во дворе. Хамит закурил. Руки его немного дрожали. Так у него бывает всегда, когда он чувствует свою мягкотелость и бессилие. Ну почему он не вышел немного позже?! Почему не сдержался?! Да, легко только перейти за греховную черту. Стоит только сделать шаг – обратного хода уже нет. Это тебе не в соседний сад сходить. Вот и приходится жить, скрывая свое бессилие и ничтожество.

Как бы желая освободиться от нахлынувших мыслей, Хамит резко зашагал в сторону ворот. Взялся, было, уже за ручку, но выйти на улицу не хватило смелости. Осмотрелся по сторонам: поискал, за что бы зацепиться взглядом, о чем бы подумать. Перед глазами, мучая его, стояли лишь эпизоды ночи. От безысходности он вышел на улицу. Было темно. Людей не видно. Хоть бы кто-нибудь показался. Перекинуться бы хоть с кем-нибудь словечком. Тогда поверил бы, что жизнь идет своим чередом и ничего сверхъестественного не происходит.

Но никто не показался. Хамит посмотрел на столбы ворот, желая хоть за что-то зацепиться взглядом. Но придраться было не к чему. Да и восхищаться собственно было нечем. Красиво-то красиво, конечно. Но в такое время восхищаться не хочется. Ничто не радует глаз. Посмотрел на почтовый ящик, и душу вдруг обуяла радость. Забыли взять вчерашние газеты! А когда из почтового ящика достал и журнал «Тулпар»3, счастьем его не было предела. Вот что отвлечет его, заставит забытья!

Было еще темно. Хамит включил на веранде свет, закурил и сел на крыльцо. Но только он открыл первую страницу журнала, как оттуда выпало письмо. Хамит даже вздрогнул. Сам он не любил писать письма. И вообще они ни с кем не переписывались. Но Хамит пугался каждый раз, когда изредка от кого-либо приходили письма. Чувствовал себя безмерно виноватым. Ему почему-то казалось, что в письме содержится весть, которая обречет его на вечное страдание. И сейчас он почувствовал то же. «Уеду завтра же! Завтра же, – подумал он, как только увидел письмо. – Нет, сегодня! Не задержусь ни на минуту!» Но, вскрыв его, немного успокоился. Никакой страшной весточки в нем не было. Хамит прочитал письмо, но ничего не понял. Он уловил только то, что не из-за чего беспокоиться. От радости сидел, уставившись взглядом в калоши на полу. После этого опять потянулся к письму. В этот раз прочитал его с большим вниманием. Но чем больше он его читал, тем сильнее растягивался его рот

в улыбке. В приподнятом настроении он пошел в дом.

В этот момент он совершенно забыл о том, что произошло на скирде за хлевом.

Нью-Йорк. Америка

Он поднялся на верхнюю палубу. Катер, пересекая волны, взял направление на Манхеттен. А Халиль, смотря на здания, увеличивающиеся с каждым мгновением, глубоко вздохнул. И он, пересекая жизненные волны, мечтал найти свое счастье. Ради этого решил даже покинуть родину. Кем бы был он сегодня, если бы остался в России? Неизвестно. Но он не захотел остаться там. Ему захотелось жить свободным, не нуждающимся ни в чем человеком. И он, вроде, добился своего. Во всяком случае, жаловаться ему не на что. Он может делать все, что захочет. А это неплохо для мужчины старше пятидесяти пяти. Так, почему же его душу что-то гложет? С палубы отчетливо бросались в глаза и нижний Манхеттен, и Нью-Джерси, что в южной части Бруклина, Сайт-Айленд и далекий мост Верразано. Халиль стоял какое-то время, не отрывая от них взгляд. Это было удивительным зрелищем. Неожиданно он обратил внимание на плывущий навстречу торговый корабль. Корабль, казалось, не плыл, а увеличивался на глазах. Халиль даже вздрогнул. И его иногда охватывает какое-то неприятное состояние, и все то, что оставил он в прошлой жизни и постарался забыть, оставить в тумане лет, всплывало вдруг в памяти ка-

кой-то точкой, которая, как этот корабль постепенно увеличивалась, заполняя все вокруг. И сейчас случилось то же самое. Показалось, что тень от корабля закрыла все вокруг. Но он прошел. После него все стало еще ярче. Но тяжелое впечатление в душе осталось.

Может, тоска заставляет так сходить с ума?! Или чувство вины не дает жить спокойно? Возможно, и то, и другое. Возможно, до этого он не замечал всего по молодости и желанию наладить свою жизнь. А сейчас, когда жизнь уже сложилась, да и возраст берет свое, мысленно возвращается в прошлое и корит себя за содеянные ошибки. Хотя он и не желает, открыто признавать это, но душу обмануть невозможно.

С самого начала он поступил неправильно. Никому ничего не сказав, уехал за границу. Да и время тогда было такое, что об этом нельзя было громко говорить. Хотя была же возможность раскрыть свой секрет самым близким. Но Халиль не сделал этого. И потом не подал никакой весточки. Сначала боялся навредить семье, усложнить их жизнь, а потом уже чувствовал себя неловко. Его давно уже, наверное, вычеркнули из списка живых. Смирились с его потерей. Поэтому думал, что не стоит ворошить старое.

Конечно, его внезапное исчезновение не могло повернуть жизнь семьи в худшую сторону. Что ни говори, он у родителей не единственный, чтобы позаботиться о них в старости, у Халиля на родине осталось еще три брата. В этом плане душа у него спокойна, но...

Сойдя с катера, он пошел по забитой машинами и людьми улице. Не думал, вроде, ни о чем. Только в душе какая-то пустота. Дойдя до конца Бродвея, остановился, оглянулся по сторонам. Остановил взор на убогой церкви. В первые дни за границей единственным знакомым местом была церковь. Их было много и в Казани. Не потому ли, всегда, когда проходил мимо нее, душу охватывало какое-то смутное чувство. Тогда ему казалось, что он никуда не уехал, а просто ходит по улицам Казани. Сейчас такого ощущения не было. Он уже привык к жизни здесь. Но, все же, проходя по улицам, мечтал, чтобы хоть раз встретить кого-либо, говорящего на татарском языке. Вот уже пять лет эта мысль живет в его душе неосуществимой мечтой. Однажды ему даже показалось, что у магазина он услышал, как две женщины говорили по-татарски. Речь была настолько знакомой и родной. Но оказалось, что это были турчанки. И все же было приятно. А в другой раз вздрогнул от голоса мужчины, кричащего на татарском языке:

– Унбер алла! Унбер алла!4

– Каких одиннадцать богов! Бог ведь один! – подумал он, слушая знакомые звуки. А когда подошел поближе и увидел старика – пакистанца, продающего дешевые зонтики, чуть не чертыхнулся:

– Umbrella! Umbrella!5

И таких разочарований было немало. Поэтому и мечта услышать родную речь стала казаться неосуществимой. Де-

нег у него было достаточно. Иногда он даже был уверен, что, если встретит на улице человека, говорящего на татарском языке, без всякого сомнения, выпишет ему чек. «Соглашусь на все, что пожелает этот человек», – решил Халиль позднее, когда понял, как далека от осуществления его мечта. Но такой человек ему не встретился. Конечно, татар здесь было немало. Они хорошо знали друг друга, частенько встречались. В такие моменты говорили по-татарски. Но это не считалось. Встреча на улице – совсем другое дело.

Сейчас он хорошо начал понимать то, к чему в начале относился снисходительно. Первый встретившийся ему татарин был Габдулла Хамит. Попав в плен во время Великой Отечественной войны, не желая гнить в сталинских тюрьмах, он жил сначала в Западной Германии, затем переехал в Америку. Этот старик показался Халилю очень интересным человеком. Он не мог слушать татарские песни спокойно, без слез. Об истории татар, их искусстве, литературе мог говорить часами. Иногда казалось, что его, кроме этого, больше ничто по-настоящему и не волнует. Он заказывал знакомым, которые часто ездили в Казань, книги и любил читать их вслух. Читал не стихи. Если были бы стихи, еще было бы понятно. Но это были не стихи. Он вслух читал прозу. И всегда при этом плакал. Именно это и удивляло Халиля. Как можно вслух читать прозу?! И как при этом можно плакать?! Странно! А сейчас начал понимать: на Габдуллу бабая действовали не только события и герои, но и звучание родной

речи, ее мелодичность и красота. Тогда мистеру Хамиту было восемьдесят лет. А сколько лет Халилю? Если так пойдет и дальше, то он станет таким же, как Габдулла бабай.

Но, оказывается, жизнь не бывает без приключений. Вчера Халиль взял отпуск. Не из-за того, конечно, что уж очень устал. Свободным было время и у сына Роберта. Решили, что вместе съездят отдохнуть. Вот решат, куда поедут и сразу начнут собираться в дорогу. Если честно, Халилю было все равно, куда ехать. После потери жены уже около пяти лет он не отдыхал, стараясь забыться в работе. Вот Роберт только выбирает долго: ему то Рим, то Париж нравится.

Выйдя с работы, Халиль собирался поймать такси. Вдруг в уши ударила какая-то приятная волна, от неожиданности он даже замер на месте. Замерло не только тело, а все его существо. Каждая клеточка его тела и души не хотела мириться с тем, что слышала. Этого не могло быть. Нет, да это и не должно быть. Но это было, и это заставило его окаменеть на месте. Знакомые звуки проникали в него, проходя через каждую клеточку, заполняя душу. Он почувствовал себя младенцем, лежащим в люльке, подвешенной к потолку деревенского дома. Казалось, еще мгновение и покажется милое лицо матери... Было так хорошо... Волна, ласкающая душу, усиливалась и Халиль начал различать слова. Кто-то пел приятным голосом:

Не забудутся никогда. Вспомнятся еще
Ваши родные края.

На какое-то мгновение Халиль даже засомневался, что стоит на улице Нью-Йорка, все ему показалось каким-то сном. Но даже если это был сон, он был очень приятным. Халиль, как бы боясь проснуться, слушал песню без единого движения.

Вернетесь, вернетесь однажды,
Если не каменные ваши сердца.

Комок подступил к горлу. Он начал чаще дышать. Дрожь пробежала по телу. И Халиль, желая убедиться, что все это происходит наяву и певец находится рядом, повернулся в его сторону. Движение его оказалось настолько резким, что тот от неожиданности даже замолчал. Поющий замер на какое-то мгновение, в упор посмотрел на него, а потом улыбнулся.

– Что, буржуй, – шутил он по татарский, – испугался нашей песни?

У Халиля не было сил ответить, а певец улыбнулся еще шире:

– Не бойся, это хорошая песня. Хочешь, и тебя научу?

Халиль ничего не смог ответить. Человек в черной футболке, черной куртке и джинсах был моложе его лет на пятнадцать. Зачесанные вперед волосы и черные очки делали его еще моложе. Он напоминал кого-то из знакомых. А улыбка! Америка – страна улыбающихся людей. Но такой искренней, душевной улыбки, кроме как у татар, казалось, нет больше ни у кого. Халиль захотел что-то сказать, но пропал голос

и он поспешил кивнуть головой. Мужчина громко засмеялся:

– Споем вдвоем громко, ладно? А ты, мистер, умеешь петь?

– Халиль... – наконец-то он обрел дар речи, – Халиль я...

Теперь удивился мужчина. Он в упор посмотрел на Халиля, даже потрепал его за плечи:

– Ты татарин? Ах ты, мать твою!!!

– Брат! – Халиль обнял его. – Родной!

Когда прошла опьяняющая от неожиданной встречи радость, Халиль вспомнил обещание, которое постоянно повторял в душе.

– Я решил, что если встречу на улице человека, говорящего на татарском языке, – сказал он, – исполню любое его желание. Ты вроде здесь недавно. Чем помочь, проси, не стесняйся.

Черная куртка задумался.

– Исполнишь любое мое желание?

– Пусть оно будет такое, чтоб я смог, – улыбнулся Халиль, – исполню, конечно.

Черная куртка расцвел на глазах.

– У меня лишь одно желание. И я скажу его тебе, если только ты его исполнишь.

– Хорошо, договорились.

Черная куртка на какое-то мгновение замолчал, затем посмотрел на Халиля сомневающимся взглядом и, наконец, ре-

шился:

– Ты приезжай к нам в гости. С семьей.

Халиль не ожидал такого. Он был в недоумении, но потом, словно груз с плеч сбросил, улыбнулся:

– Договорились.

– Обещаешь?

– Обещаю, – ответил, улыбаясь, Халиль и уставился на мужчину. – А где Вы живете?

– В Казани.

Халиль на какое-то время даже растерялся. Он думал, что мужчина живет в Нью-Йорке, во всяком случае в Америке. Его смятение заметил и черная куртка.

– Есть проблема? – улыбнулся он.

– Нет, нет, – поторопился Халиль. – Но я не думал, что Вы живете в Казани.

– Так, значит, наша договоренность остается в силе?

– Конечно.

– Очень хорошо. Когда приедете?

– Не знаю. Мы с сыном собрались отдохнуть. Возможно, съездим и в Россию. Тогда и к вам...

– Хорошо. Тогда договоримся так. Вы сегодня посоветуетесь с женой и позвоните мне.

– Очень хорошо, – ответил Халиль, улыбнувшись, и, стесняясь того, что стал отходить от татарских традиций, добавил, – Может, сначала погостите у меня, я как раз шел домой?

– Нет, – улыбнулся черная куртка, – спасибо. Как-нибудь в другой раз.

После встречи Халиля не покидало приятное ощущение.

Только дома он вспомнил, что не спросил имени мужчины. Но сожаление по этому поводу длилось недолго. Роберт, услышав его предложение, даже запрыгал от радости:

– Как хорошо! И Казань увидим!

Впечатления от этой неожиданной встречи были очень сильными. Халиль не мог уснуть всю ночь. Перед глазами стояли отец-мать, родственники, деревня. Все вокруг было охвачено ностальгией и каким-то светом. Было хорошо и тяжело одновременно. А впечатления, полученные на катере, были продолжением этого.

Впавший в раздумья Халиль вздрогнул от неожиданного к нему обращения. Увидев улыбающуюся молодую приятную женщину, поспешил и сам улыбнуться.

– Извините, мистер Халиль, – сказала женщина, протягивая ему конверт. – Ваш друг не смог прийти сам и просил извиниться. Здесь все необходимое. Завтра отправитесь в дорогу. Прошу еще раз извинить, что задержала. До свидания.

Халиль не успел ничего ответить, как она ушла.

– Спасибо, – прошептал Халиль, убирая письмо в нагрудный карман, – спасибо, родная.

Несмотря на то, что он немного расстроился из-за невозможности встречи с парнем-татаринном, он был все же рад. Наконец-то, он вернется к себе на родину. Вернется по-

сле тридцати трех лет с семнадцатилетним сыном. Живы ли родители? Только бы были живы. Обрадовались бы, увидев внука, родившегося и выросшего в Америке. Ведь и он их кровиночка. Халиль улыбнулся. Ему хотелось улыбаться, смеяться...

Он снял черную куртку и бросил ее на стул, а сам развалился в кресле. По-американски положил ноги на журнальный столик. Это он часто видел в кино. Но это для него было непривычно. Как можно грязные ботинки класть на стол? Лишь в Америке он разгадал секрет. Все оказывается очень просто. Здесь очень чистые улицы: к обуви грязь не прилипает. Только россиянин может подумать о том, что ботинки на столе могут быть грязными. Но через некоторое время он все же спустил ноги на пол: ему было неудобно.

Он не мог и предположить, что так быстро поймает Халиля. Уж очень быстро поймался тот на обман. Хотя, вроде, они все такие. Не зря же, наверное, Михаил Задорнов смеется над ними: «Лохи они все». Здесь очень доверяют людям. На каждого смотрят с доверием. Так оно и лучше. Только в обществе, основанном на доверии, можно жить и работать со спокойной душой. Только доверия терять не надо. А у нас по-другому. Даже если кто-то начинает хвалить тебя, думаешь: «Чего это он? Что ему нужно?»

Все задуманное прошло удачно. Но это не слишком обрадовало его. Он начал сожалеть, что взялся за это дело. Не на-

до было. Живи себе спокойно в Америке, наблюдай, общайся с новыми людьми. Этого было бы достаточно. Нет, он так не может. Ему обязательно нужно совершить какую-нибудь глупость.

Началось все легко, а вот чем все закончится, представить было трудно. Если произойдет что-то трагическое, он себе этого никогда не простит. Да и другие его не простят. Просто так, по необъяснимой прихоти его судьба теперь висела на волоске. Ладно, если б от этого зависела только его судьба. Он получает только удовлетворение, подвергая себя опасности. Плохо, что опасности он подверг судьбы других людей.

Может, остановиться?

К тому же об острове у Солнечного озера, действительно, ходили разные слухи. Да и он сам распространил немало слухов об этом. Но одно дело, его сплетни и совсем другое слова людей, живущих здесь из поколения в поколение. Местное население называет его «Остров смерти» и не то что бы близко подходить, даже упоминать о нем боится. Рыбаки, которые измерили это озеро вдоль и поперек, могут часами рассказывать о произошедших здесь неприятных случаях. Кто-то считает его логовом чертей, кто-то думает, что здесь находятся двери в параллельный мир, а кто-то утверждает даже, что здесь временная бездна. Но он не очень верит всему этому. Недавно, готовя это путешествие, он семь дней провел один на этом острове. Там находится двухэтажный дом, построенный кем-то много лет назад. Но ничего

странного он там не увидел. Конечно, это ни о чем не говорит. Не каждый день возникают чудеса и случаются неприятности. Он вернулся тогда с убеждением, что все пройдет хорошо. Но сегодня опять в душу закралось сомнение. Даже если это самый обыкновенный остров, невозможно предугадать, как поступят люди.

Может, и вправду лучше остановиться?

Остановиться еще не поздно. Можно все незаметно уладить. Но даже если заметят, если объяснить, почему затеяна вся эта суматоха, никто не осудит. Как говорится, все под контролем. Но ему не хотелось останавливаться. Было интересно, чем все это закончится. И страшно. Но он старался не думать о последствиях.

Санкт Петербург. Россия

Наконец, они добрались до речного вокзала. Стоило выйти из такси, как к ним подошла приятная женщина. Роберт облегченно вздохнул. Она была первым человеком, кто в России им приветливо улыбнулся. Но и эта женщина исчезла куда-то, как только проводила их до других туристов. Желающих совершить путешествие на остров у Солнечного озера было 30-40 человек. Роберт окинул взглядом все вокруг. Таких, как они, приехавших семьями, здесь было мало. Остальные объединились в группы по пять-десять человек, одни держат в руках спиртное, другие курят. Громко что-то рассказывают, смеются. Молодые парни между собой шутят,

резвятся. С ними его отец, наверное, не сможет найти общий язык.

– Отец, а того твоего друга разве нет?

– Не знаю. Не видно пока.

Халиль, возможно, и сам уже каялся, что, послушавшись незнакомого встреченного на улице человека, тронулся в путь. Роберт постарался больше не надоедать ему вопросами.

Он в России еще никогда не был и с радостью согласился на предложение отца. Ему казалось, что в этой стране его ждет невероятное приключение. Увидит места, где родился и вырос отец, встретится с его родственниками. Побывают и в исторических местах. Так он предполагал. Но стоило ему ступить на эту землю, в голову пришла совершенно другая мысль, и он начал было уже каяться, что согласился. Все показались ему какими-то чужими, неприветливыми. Не было у них времени и любоваться красотами окружающей природы, все куда-то спешили. К тому же, случилось непредвиденное. Он думал, что прямо поедут в Татарстан, а там все будут говорить по-татарски. Но они приехали в Санкт-Петербург, а потом долго на такси добирались до какого-то поселка. Невозможно было запомнить даже название его. Со времени вступления на российскую землю он не услышал ни одного слова ни на английском, ни на татарском языках. А русский язык он не знал. Поэтому чувствовал себя неуютно, будто оказался в какой-то чужой холодной стране. К тому же

и лица людей были здесь какие-то злые, неприветливые.

Понаблюдав за ними, он понял, что у них на лицах не столько злость выражена, сколько слабость, бессилие. На их лицах было выражение того, будто они чего-то очень ждали и не дождались. Может, они просто устали оттого, что долго ждали теплоход? Вон на той скамейке бородатый мужчина с женщиной положили маленького ребенка к себе на колени поперек, склонили друг к другу головы и замерли, уставившись широко раскрытыми глазами в одну точку. Так сидят они уже долго, без единого движения. Роберт уже начал думать, живы ли они, как вдруг женщина, двигая только губами, что-то сказала. Парень понял только, что она сказала «Михаил». Но муж улыбнулся. Стало как-то хорошо: это была вторая улыбка в этой стране. Недалеко от них, опустив голову на грудь, спит небрежно одетый мужчина. Рядом с ним, наверное, дочь, примерно одного возраста с Робертом. Она, как будто стесняясь внешнего вида отца, отвернулась в сторону, стараясь не смотреть ни на кого. Рыжие спускающиеся до плеч волосы. Черные брови. Пухлые красные губы. Если бы на лице у нее не было выражения неловкости, стеснения, она была бы довольно привлекательной. Хотя и так от нее невозможно отвести глаз. Почему-то некоторым идет печальное выражение, делает их более привлекательными, появляется желание их утешить. Далее стоят четверо, поставив свои чемоданы в центр. Это, наверное, мать-отец и брат с сестренкой. Они, как другие, и не печальны, и не

возбуждены. Ждут спокойно, изредка о чем-то переговариваясь. Слов их не слышно. Но движения похожи на то. Дети оба примерно, одного возраста с Робертом. Они стоят спиной, их лиц не видно, но по внешнему виду примерно должно быть так. Вот с ними Роберт мог бы общаться. Девушка выглядит очень симпатичной, распущенные волосы. Да, здесь есть три человека, с кем мог бы подружиться Роберт. Неожиданно девушка оглянулась, и ее взгляд встретился с его взглядом. Они оба на какое-то мгновение замерли, забыв обо всем. Первой в себя пришла девушка, виновато улыбнувшись, она отвернулась. Роберт не верил в действительность происходящего. Он не мог отвести от нее взгляда. Но, почувствовав неловкость от того, что стоит в ожидании ее улыбки, отвел взгляд. Краем глаза он успел увидеть, что как раз в этот момент девушка еще раз посмотрела в его сторону. Всего лишь на мгновение, но посмотрела. Какое-то приятное ощущение овладело Робертом. Чтобы не выдать себя, он стал наблюдать за шумной группой. Их было около десяти человек в возрасте двадцати-тридцати лет. Возможно, давние знакомые, друзья. Возможно, сослуживцы, а возможно... Да, это были несколько пар, решивших провести свой отдых вместе. Детей нет, вроде это и не супруги...

– Роберт, ты еще не устал? – голос отца прервал его мысли. – Может, а ну его это путешествие? Поедем сразу в Казань?

Парень мгновенно взглянул в сторону девушки. Та, найдя

удобное положение, встала возле отца. И теперь она стояла лицом к Роберту. Девушка увидела, что парень повернулся в ее сторону, и незаметно улыбнулась. Роберт улыбнулся ей. Он, стараясь не испортить впечатления, повернулся к отцу:

– Сам-то как хочешь, папа? Я не против поездки в Казань, но не будет лишним, если мы посмотрим этот остров. Время-то еще есть.

Отец нежно улыбнулся.

– Как бы тебе не было скучно. Мне показалось, что ты начал тосковать.

– А здесь все такие. Я не увидел ни одного довольного лица. Улыбаются только пьяные. Наверное, здесь нельзя быть счастливым без спиртного.

Халиль громко засмеялся.

– Нет, у нас в Америке улыбаются чаще – это правда. Но улыбки в России совершенно другие. Если здесь кто-то посмотрел на тебя с улыбкой, значит, он тебя считает близким человеком. Улыбка здесь звучит, как «ты мне очень близок», а такие слова всем не говорят. В Америке же улыбка – это просто привычка. Повернулся к тебе – улыбнулся, а через мгновение забыл о твоём существовании.

– Интересно.

– Россия – интересная страна, она тебе, сынок, понравится.

Оба замолчали.

Через некоторое время Роберт повернулся в сторону той

девушки. Она следила за ним. Он улыбнулся ей широкой доброй улыбкой. Она, не ожидавшая этого, смутилась на какое-то мгновение, а потом улыбнулась сама. Но, желая скрыть все от своих близких, быстро отвернулась. Те же то ли не заметили, то ли сделали вид, что не заметили ее состояния, но не придали этому значения.

Лишь через некоторое время в сторону Роберта повернулся парень, стоящий рядом с девушкой. Посмотрел на него придирчивым взглядом и, оставшись довольным, улыбнулся. Улыбнулся и Роберт.

– Ляйсан, ты уже начала переглядываться с парнями? – прошептал Лаис, когда отец с матерью отошли к киоску. – Смотри мне...

– На себя смотри. Глаз от той рыженькой не отводишь! – Но, заметив растерянность Лаиса, Ляйсан громко засмеялась и, не желая обидеть брата, добавила, – выглядит ничего!

Лаис кивнул в сторону Роберта:

– Про него говоришь? Сойдет.

– Нет, – улыбнулась Ляйсан, – твою рыженькую имею ввиду, красивая девушка.

Желая убедиться в том, что сестра говорит правду, он какое-то время смотрел изучающее на девушку, а потом улыбнулся:

– Да, на всех глаз не кладет. Вот сделаю ее твоей снохой.

– Снохой она мне быть не может: ты меня на полчаса

младше.

– Подумаешь, полчаса.

– Крылатые ракеты долетают до Америки ровно за 10 минут. А за полчаса можно уничтожить всю планету. Следовательно, ты родился позже меня на время, за которое можно мир снести с лица земли. Вот так то, братишка!

– Ну, хорошо, будешь звать ее невесткой.

– Буду, только ты сначала познакомься с ней. Пospорим: ты до конца путешествия не сможешь сказать ей ни одного слова.

– Я?! Да если нужно, я подойду и познакомлюсь с ней прямо сейчас.

– Не сможешь! Давай поспорим. Отдам свой сотовый телефон.

– Больно мне нужен твой сотовый...

– Боишься. Всю жизнь тушевался перед девушками. Если хочешь знать, девушки любят смелых парней. Если бы я была на твоём месте, подошла бы к ней уже сейчас и заговорила.

– Это же ты...

Лаис еще раз посмотрел на рыженькую. Хоть бы голову подняла.

В это самое время среди отдыхающих началось какое-то движение. Притихли те, кто говорил громко, спавшие открыли глаза. Лаис быстро нашел причину этого. Среди них появилась миловидная женщина из туристического агент-

ства. «Ей бы в индийских фильмах сниматься, а не здесь ходить», – подумал Лаис, глядя на нее.

– Как, друзья, не устали еще ждать? – сказала она громким, но приветливым голосом. – Только вы не спешите опускать головы.

Кто-то из стоящих близко пробубнил что-то под нос, выражая недовольство. Но женщина не рассердилась.

– Я понимаю вас. Все вы проделали долгий путь, устали, наверное, немного, – сказала она приветливым голосом. – Но не торопитесь разочаровываться. Наше путешествие еще не началось. Сегодня на теплоходе вы сможете хорошенько отдохнуть. А завтра с утра вас ждут интересные приключения. Конечно, вы видели немало красивых мест, но то, что вы увидите здесь, доставит вам истинное наслаждение.

– «Путешествие на Солнечное озеро», я ничего не понял. Куда мы пойдем, на какое озеро, – слышался опять тот же пьяный голос.

– Озеро, куда мы с вами собрались, считается самым большим в Европе. Но дело не только в этом. Кристально чистая вода, хорошо виден весь подводный мир. А подводное царство здесь очень богато. Каких только животных и растений нет в нем. По желанию можно будет в специальных снаряжениях совершить путешествие и в подводный мир.

– Напиться до предела, а затем спуститься под воду, чтобы протрезветь. Во, блин, кайф! – в группе молодых раздался смешок. Но женщина не обратила на это внимания:

– Озеро богато и на небольшие райские уголки. Некоторые, кто живет близко от этих мест, проводят здесь свой медовый месяц. Если среди вас есть влюбленные, и им можно будет остаться в этих райских уголках один на один. Есть там и специальные коттеджи, наши служащие готовы исполнить любые ваши желания.

Лаис краем глаза заметил, что сестра незаметно посмотрела на того парня. Да и парень не отводил от нее взгляда. Вот опять встретились взглядами и улыбнулись. Лаис посмотрел на рыженькую. Ее отец уже открыл глаза и с полным безразличием наблюдает за выпивающей группой молодежи. А дочь, кажется, на что-то сердится. Нет, даже не это, вроде, она сердится на то, что оказалась здесь. Как будто кто-то отправил ее насильно. Эх, что бы сделать такое, чтоб поднять ее настроение!

Женщина все еще рассказывала:

– Остров, куда мы поедem, называется островом Полумесяца. Понятно, что он и по виду напоминает полумесяц. Но я назвала бы его райским островом. Там у вас будут возможности претворить все ваши мечты в жизнь. Я уж не говорю о благоустроенных коттеджах, ресторанах, саунах, бассейнах, игровых залах. Для желающих поплавать, совершить путешествие в подводный мир есть специальные места. Особенно интересно будет для тех, кто любит рыбу. Вы не будете сидеть с удочкой или ловить сетью. У вас будет возможность поплавать с крупной рыбой в обнимку или сняться с ними

в кино, сфотографироваться. А также прыжки с парашюта в воду, катание на водных лыжах, соревнования на скоростных водных мотоциклах... Это все то, что связано с озером. А для тех, кто любит сушу, есть специальный парк отдыха. Чего только нет там! Короче, невозможно перечислить всего. Там есть все, чего душа пожелает! Это маленький сказочный городок. У вас была мечта совершить путешествие в сказочную страну? Думайте, что вы на пороге свершения вашей мечты...

Последние слова женщины запали в душу Лаиса: «Вы на пороге свершения вашей мечты... На пороге свершения... Свершения мечты...» Парень больше не стал ее слушать. Он не мог оторвать глаз от девушки, впавшей в бесконечную тоску. Как поднять ей настроение? Как вывести ее из этого состояния? Сестра права, он всегда тушевался перед девушками. Но до этого Лаис и не встречал той, которая бы завоевала все его внимание. Надо быть смелее, подойти к ней и что-нибудь сказать. Что сказать? Не скажешь ведь ей: «Не сиди такой грустной, подними голову, веселись, я влюбился в тебя!» Что нужно говорить, чтобы познакомиться с девушкой? Черт его знает! Но что-нибудь ведь надо сказать. Хорошо тому парню: посмотрел на его сестру, улыбнулся – и готово. Сейчас он может хоть что ей говорить. А Лаис... Нет, всю жизнь он был таким невезучим. Хоть бы голову подняла эта рыженькая. Посмотрела бы на Лаиса, улыбнулись бы хоть друг другу. Так, нет!

Лаис, как бы желая услышать какой-нибудь совет, посмотрел на сестру. Но Ляйсан было не до него, она переглядывалась со своим парнем. «Я твоя сестра», — любит хвалиться она. Раз сестра, пойди, познакомься с ней. Девушке с девушкой познакомиться ведь намного легче. Сама познакомься и подведи ее к братишке. Познакомь. Но нет. Надеяться на нее нечего.

Желая найти хоть какую-нибудь поддержку, Лаис посмотрел по сторонам. Не было видно и отца с матерью. Надо воспользоваться этим моментом. Но что он может сделать? Вдруг его взгляд упал на киоск, где продавали газеты и журналы. Да, надо сделать именно так. Купить какую-нибудь книгу и подарить ее девушке. Надо купить интересную книгу, чтобы она могла с удовольствием читать и смеяться. Девушка начнет читать ее и, забыв про все свои горести, будет от души смеяться. И каждый раз с улыбкой будет смотреть и на Лаиса.

Парень пошел к киоску. Бросил взгляд на книги. Но не увидел ничего, что можно было бы подарить любимой девушке. Детектив интересен, наверное, только парням. Есть, правда, книги и о любви, только названия у них какие-то странные. Брошюры о сексе. Захочешь подарить книгу, а девушка ее не возьмет: «Спасибо. Я только вчера ее прочитала. Не понравилась». Нет, незнакомому человеку книгу не подаришь. И вдруг он замер. Журнал о цветах! Вот что ей нужно. Он посмотрел вокруг и, увидев магазин цветов, ста-

раясь сдерживать себя, поспешил в том направлении. И выбрал самый красивый букет. Дороговато, правда. Ну и пусть! Деньги приходят и уходят, а прекрасные мгновения жизни остаются навечно.

Девушка сидела все в том же состоянии. Она даже не заметила, как к ней подошел незнакомый парень. Ее отец посмотрел на него равнодушным взглядом и снова погрузился в свой мир. От него несло спиртным. Вот, оказывается, в чем причина. Лаис встал перед девушкой.

– Извините...

Та была вынуждена посмотреть на него. Лаис положил букет ей на колени.

– Это Вам, – сказал он и поспешил прочь.

– Но зачем?

– Парень не смог ничего ответить. На лице девушки было выражение удивления и благодарности. И заинтересованности. Лаис ничего сказать не смог, он только от души ей улыбнулся.

Лаис улыбался и тогда, когда подошел к Ляйсан. Она же, вроде, даже не заметила его отсутствие. Лаис с улыбкой посмотрел на ее парня и сказал сестре:

– Давай телефон.

Девушка не услышала его. Да это было и хорошо. На него, улыбаясь, смотрела рыженькая. Заметив Ляйсан, она немного изменилась в лице, но это длилось лишь мгновение. Даже невооруженным глазом можно было определить, что они

близнецы. Лаис тоже улыбнулся девушке. Вскоре к ней обратился отец, она, нехотя, ответила ему.

Айгуль в это путешествие поехала не по собственному желанию. Когда пришла бабушка и объяснила, в чем дело, пришлось согласиться. Другого выхода не было: и мать, и неродной (не известно еще, кто нероднее) отец на работе, а родного отца Радика одного отправлять страшно.

– Написали ведь сто тысяч рублей, – сказала бабушка, – грех просто так оставить. Если бы дали нам с Радиком тысяч двадцать, остальное бы вам было. Ради детей... Ведь им еще поступать надо. Какая никакая помощь была бы.

Никто не стал этому противиться. Да и без денег никто бы не стал возражать. Что ни говори, а бабушку все уважали.

Не стала противиться и Айгуль. Но она не думала, что будет так. Ей казалось, что они приедут, заберут деньги и вернутся обратно. А стоило им приехать сюда, как начали говорить о путешествии на остров. Наверное, премию собираются там выдать. Девушке было неудобно, расспросить обо всем подробно, а отцу было все равно. Он, кажется, до конца не понимал, зачем он вообще сюда приехал. Вначале, может, из-за того, что долго не виделись, встреча с отцом казалась ей каким-то приятным событием. Но на деле вышло все не так. Мужчина не придал ей никакого значения. И приятные ожидания, только-только зарождающиеся в душе девушки, ушли в небытие. Вспомнилось, как он постоянно приходил

домой пьяным, избивал мать. Тяжелые воспоминания детства пробудили в ней ненависть к нему. Но она была вынуждена провести с ним еще несколько дней. Да и среди тех, кто собрался в путешествие, Айгуль не видела никого, с кем можно было бы подружиться. Да она собственно и не искала их. Когда на душе тошно, не хочется с кем-то разговаривать. А для того, чтобы кто-то сам подошел и познакомился с ней, надо, чтоб от того, кто рядом, так не несло спиртным. Хотя перед дорогой отец и обещал не пить, но слова своего не сдержал. Стоило сесть в поезд, как сразу взялся за водку. Девушка пыталась говорить ему и по-хорошему, и даже ругала его, но все было бесполезно. «Ладно, доченька, больше не буду», – обещает он ей, а сам тут же украдкой брался за старое. Из-за этих мытарств Айгуль сейчас и сто тысяч показались мелочью. Будь ее воля, она бы бросила все и уехала домой. Но девушка боялась обидеть бабушку. Хотя мать и сделала вид, что согласилась со свекровью, но она отдаст ей деньги все до копейки. А бабушка даст их Айгуль, ее братишке. А если не возьмут, обидится. Не успокоится, пока не отдаст. Только тогда она будет чувствовать себя счастливой, будет довольна тем, что хоть так выполнила свой долг перед внуками. Если Айгуль вернется обратно, то самой обиженной будет бабушка. И не оттого, что не хватает денег, а потому, что не смогла претворить свою мечту в жизнь. Вот ведь как выходит, если подумать.

Вот именно тогда, когда Айгуль сидела погруженная в

свои грустные мысли, случилось чудо: незнакомый парень подарил ей цветы. Да какой букет! Даже самым известным артистам такие букеты дарят, наверное, только близкие друзья. А тут совершенно незнакомой девчонке. Дочке алкаша. Девушка готова была расплакаться. Поэтому, получив цветы, какое-то время не могла прийти в себя. К горлу подступил комок. Перед глазами стояло лицо искренне улыбающегося парня. Наверное, только из-за того, что думала о нем, и не заплакала. При мысли о нем становилось так легко, что хотелось улыбаться.

И, желая хотя бы еще раз увидеть его, она повернулась в сторону парня. Парень, не отрывая от нее ласковых глаз, наблюдал за ней. Айгуль улыбнулась, и первый раз после того, как отправилась в дорогу, почувствовала себя хорошо. До этих пор она чувствовала себя униженной, стеснялась того, что не только находится рядом с этим пьяницей, но и приходится ему дочерью. А сейчас почувствовала себя совершенно по-иному. Если даже в таком состоянии она еще может привлекать чье-то внимание – это совсем неплохо.

– Ну и кто этот парень? – спросил немного погодя отец.

– А тебе разве не все равно?

И сама расстроилась оттого, что ответила так грубо. Сейчас ей совсем не хотелось грубить.

Есть что-то странное в людях, говоришь им раз, два, три... Иногда сто раз повторишь, а до человека не доходит,

он находится в каком-то странном состоянии, способен понять только тогда, когда повторишь ему в тысячу первый раз. И с Радиком произошло то же самое. Грубый ответ дочери произвел на него необъяснимо тяжелое впечатление. Он почувствовал, как низко он опустился, что не нужен уже не только никому, но даже собственной дочери.

Оглянулся по сторонам. Все здесь были парами. Кто-то с женой, кто-то с любимой, а кто-то со своим ребенком, но это не важно. Они были парами. У них чувствовалась взаимная любовь. Вон те двое на скамейке, что сидят, взяв в середину маленького сына. Вон подвыпившая группа. Везде чувствуется, что они нужны друг другу. Вон там, недалеко, отец с сыном. Толком и не разговаривают, смотрят в разные стороны, думают каждый о своем. Но из движений уже понятно, что они очень близки друг другу. А Радик... И он ведь сидит рядом с дочерью. Говорят, что девочки сильнее отцов любят. Но... Это он почувствовал только сейчас. Может, поводом этому послужило то, что этот парнишка подарил его дочери цветы? Ведь как расцвела Айгуль, которая до этого сидела, проклиная все на свете. Она даже улыбаться начала. Но ведь и Радик мог поднять настроение дочери. Тогда он мог бы быть сегодня одним из самых любимых ею людей. Так должно было быть, но вышло все наоборот. Ладно, что было, то было. Этого уже не вернешь. Надо сохранить то, что имеем. Не надо отстраняться от Айгуль. Это же его ребенок. Если уж не любовь, может быть, сможет заслужить ее уважение?

Ведь еще не поздно. Не поздно. Лишь бы не потерять самоуважение

– Дочка, схожу, умоюсь, – сказал он, вставая со своего места, – пора приобретать человеческий вид

Айгуль удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала. Она опять подумала, что он пошел пить. Зная, что говорить в таком случае что-либо бесполезно, промолчала.

Женщина, одетая в форму турагентства, вроде, уже закончила говорить о прелестях, которые ждут всех на острове. Она отвечала на вопросы. Неожиданно к ней подошел мужчина и протянул какую-то бумагу. Они пошептались о чем-то, и женщина громко обратилась к туристам:

Дорогие гости! Приближаются долгожданные минуты. Но для вас есть одна новость. На остров мы пойдем несколькими группами. А сейчас назову номера путевок. Вы внимательно послушайте. Те, кого назову, отправятся в дорогу уже сейчас. А для остальных теплоход прибудет немножко попозже. Итак, слушайте внимательно!

До этого гудевшая группа в мгновение замолчала. Те, кто оказался в списке, взяв сумки, направились за мужчиной, который пришел с бумагой. Остальные загудели, выражая недовольство. Кто-то закурил папиросу, а кто-то открыл банку пива.

– Друзья, немного внимания, – успокоила их женщина, – они, конечно, отправились пораньше. Но ваш теплоход на-

много комфортабельнее. Вы сможете на нем хорошо отдохнуть. И он скоро уже прибудет.

Народ немного успокоился. Ведь есть люди, которым всегда легче осознавать, что кому-то тяжелее, чем им. Эта мысль их успокаивает, утешает и поднимает настроение. Немного погодя туристы опять стали оживленными.

Казань. Татарстан

Фатима сошла с трамвая и, пройдя через небольшой базар, повернулась к переулку. Осмотрелась по сторонам: как бы кто не привязался. Но людей с дурными намерениями видно не было. Успокоившись, она пошла дальше. Осталось пройти этот переулок, повернуться направо и, зайдя в третий подъезд первого дома, подняться на седьмой этаж. И хотя в движениях не было видно спешки, душа ее стремилась вперед. Хотелось скорее все узнать. Осталось совсем немного. Хадича должна быть дома. Только бы не было большой очереди.

Сто тысяч, конечно, деньги немалые. Фатима их даже в руках никогда не держала. Из-за такого богатства можно, наверное, пойти и на риск. Но она не ожидала, что все так обернется, надеялась, что сопроводить Радика поедет сноха или они поедут вместе с мужем. Хотя... она не очень сопротивлялась и тому, что решили отправить Айгуль. Семнадцатилетние девушки в свое время и на фронт уходили. А девочка едет за деньгами с собственным отцом. Сначала Фатима

успокаивала себя так. Но со временем в душу запало сомнение. Ей даже стало казаться, что уж лучше идти на войну, чем сопровождать горького пьяницу, который ни с кем не считается. Айгуль же семнадцатилетняя девушка! А Радик – алкаш! Если выпьет, то может и своровать, и набедокурить. Ему доверия нет! Когда его глаза застит водка, может совершить все, не посмотреть, что выросшая Айгуль его собственная дочь. От него все станется. Даже если не будет и так, она все равно не сможет заставить его бросить пить. А пьянице нигде нет почета, деньги могут и отобрать, и не дать, и обмануть. Где деньги – там и опасность. Неправильно подвергать семнадцатилетнюю внучку такой опасности.

Фатима потеряла всякий покой.

Хотя вначале Айгуль и звонила, но уже на второй день поездки замолчала. Когда ни позвонишь, один ответ: «Абонент находится вне зоны действия». Кто знает, может, просто телефон потеряла, а может...

Но не только по этому поводу тревожилась старушка. Она свое пожила, многое повидала в этой жизни. Вначале она, конечно, обрадовалась, но потом, когда немного успокоилась, поняла, что такие деньги просто так не дают. Если бы было хотя бы десять тысяч – куда ни шло. А тут целых сто тысяч! Это десять раз по десять тысяч! Это про бизнесменов говорят, что они работают ночи напролет, не зная отдыха и спокойствия. Это же они делают для обогащения, для того, чтобы накопить богатство. Если бы они были готовы отдать

такие деньги обыкновенному алкашу, наверное, так не поступали бы. Даже если бы они захотели привлечь внимание, заинтересовать кого-то, то и тогда выбрали бы другого человека, а не такую пьяницу, как Радик. Человека, который мог бы быть им полезен. А Радика даже по телевизору нельзя показывать. Стоит ему три дня не пить, становится таким жалким, а когда наоборот, не может и трех слов связать. Надо быть полным идиотом, чтобы отдать ему такие деньги.

Мысли ее были правильными. Неожиданный выигрыш не соответствовал никаким нормам. Но выигрыш был, и его нужно было забрать – это было правдой. Противоречие этих правд не давало ей успокоиться. Если выигрыш не действителен, зачем тогда написали письмо с приглашением?! Ведь у деловых людей и так туго со временем. Даже родителям они не могут отправить письма. А эти написали. Но, наверное, не только из-за того, что руки чесались? Тогда зачем?

Когда даже после долгих раздумий, она не сумела найти ответ, забеспокоилась не на шутку. Тогда она и вспомнила старушку Хадичу. С ней она познакомилась в прошлом году на углу базара. Фатима тогда неделю, как мечтала купить и поесть красные пряники. В детстве они ели их с подружками. Да и сейчас стоило ей их увидеть на прилавке, как вспоминалось детство. Но у нее не хватало денег. Конечно, если бы все проблемы состояли только в этих пряниках, можно было бы и купить. Но долги за комнату... Да и многое другое. Около недели ходила она около того места. Стоило ей

увидеть эти пряники и душа, вроде бы, успокаивалась. В тот день у нее собралось милостыни немало. Поэтому она наконец-то решилась. Возьмет всего полкило или двести грамм и попробует. Улыбаясь сама себе, она шла к магазину на углу базара. Неожиданно услышала чей-то голос:

– Не трать зря деньги. Эти пряники не по нашим зубам.

Фатима даже испугалась. Она никому не раскрывала своих мыслей. Наверное, ей это послышалось. Хотя Фатима и пыталась себя успокоить, но все же посмотрела по сторонам. Почти следом за ней шла старуха. Увидев удивленное лицо Фатимы, та виновато улыбнулась.

– Я тебя совсем не хотела напугать, не сердись, – сказала она, стараясь своим охрипшим голосом говорить как можно приятнее. – Просто не хотелось, чтобы ты зря потратила деньги.

– А ты... ты откуда узнала?

– То, что ты захотела купить пряники? – Старуха еще раз улыбнулась своим беззубым ртом. – Не знаю. У меня так иногда бывает. Узнаю то, что мне вообще не нужно и накликаю на себя беду.

– Надо же... – Фатима не знала, что и сказать. – Ладно, что бы ни было, спасибо.

– Тебе спасибо, за твое спасибо. Иначе на меня чаще всего обижаются. Уходишь уже? Если уж очень хочешь, можешь купить эти пряники. Их ведь и в чае можно размочить.

– Ты живешь в этих краях? – спросила Фатима, поворачи-

чивая разговор в другую сторону. – А я тебя до этого здесь не встречала.

– Нет, я живу совсем в другом месте... – Старушка назвала свой адрес. – Сюда я приехала полечить женщину. Но, чувствую, не поможет: уж очень она плоха.

– Ты знахарка?

– Что-то вроде. Меня зовут Хадича. Может, слышала?

Фатима только пожала плечами.

– А я живу недалеко. Зайдешь, чаю попьем? – сказала Фатима и тут же пожалела. Если уж она узнала про пряники, вдруг догадается, что Фатима на самом деле думает: «Только бы не зашла»? Обидеться ведь может. Но и просто так уходить было как-то неудобно. Ведь они представители старшего поколения, их остается не так уж много. Поэтому нужно жить, уважая друг друга и проявляя внимание. Фатима добавила:

– Правда, с угощением у меня не густо, но хоть посидим, поговорим.

– В другой раз, Фатима, – сказала старушка, приветливо взглянув на нее. – Сегодня у тебя и без меня забот хватает. В следующий раз. Как-нибудь встретимся. Адрес мой знаешь, приходи, поговорим.

– Спасибо за приглашение. Даст Бог, свидимся еще.

– Ладно, Фатима, до свидания.

С тех пор они не встречались. Одна знакомая, ходившая лечиться к Хадиче, очень ее расхвалила. Но сказала, что по-

пасть к ней трудно: у нее постоянно люди.

Вспомнив об этом, Фатима ускорила шаги. Хоть одного человека да опередит. Не долго уж осталось идти. Только бы была дома. Только бы была. Дома, должна быть дома. Сердце чувствует, что дома. Пока дошла до двери, запыхалась. Облокотившись о перила, перевела дыхание. Немного успокоившись, потянулась к звонку. За дверями послышалось шарканье ног, и через некоторое время открылась дверь.

– Проходи, Фатима, проходи.

Хадича даже не поздоровалась. Беспомощно волоча ногами, она прошла в комнату и легла на разобранную постель.

– Что-то приболела я в последнее время. Вот лежу. Сил нет. Старость – не радость, – затараторила она. – Ты не стесняйся, возьми вон тот стул и садись поближе. Вот так. Дай мне правую руку. А ты еще ничего, не поддаешься. Такая же, как в прошлом году. Тебя ведь ко мне не болезнь привела. Ты беспокоишься о детях?

Фатима не смогла ничего ответить. Стоило ей подать руку Хадиче, какое-то смутное чувство охватило ее. Показалось, что всколыхнулось все ее тело, каждая клеточка. Все куда-то исчезло: окружающие предметы, и даже сама Хадича. Она слышала только ее голос. Все тело охватила какая-то легкость.

– Только помочь тебе, как положено, я не смогу. Что-то в последнее время сдавать стала. Как раньше уже не вижу: ослабли глаза души. Я вот воду вижу. Воду без конца и края.

Только определить не могу: море это или озеро. А может, это вовсе и не вода. Возможно, это космос или временная бездна. В середине вижу какой-то круг. Я не могу сказать, что это за круг. Но дети твои остались запертыми в нем. Твои дети – в центре этого круга. Тебя должно волновать, не где они, а то – живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но их ожидает серьезное испытание. Серьезное испытание. Они...

Неожиданно старушка замолчала. Сделала глубокий вдох и только после этого продолжила:

– Вот так, Фатима. Говорю все, что вижу. Если что не так, не вини меня. Я не соврала. Больше ничего не вижу. Теперь я уже не та. Раньше я была сильнее. А ты... Ты, Фатима, раньше не верила моим способностям. Сомневалась. Обо мне вспомнила только недавно. Ладно, спасибо за доверие. Спасибо. Раньше я тебе о многом могла бы рассказать. А сейчас мне очень плохо. Фатима, если тебе не трудно, принеси, пожалуйста, из кухни воды стакан. Воду, пожалуйста, налей из медного чайника, хорошо?

Фатима исполнила ее желание и вышла. Состояние Хади-чи было действительно очень плохим. Она сама попрощалась с Фатимой:

– Не обижайся... Мне нужно немного полежать. Я не могу сегодня с тобой говорить. Если чем помогла тебе, я рада; не смогла, извини, не таи обиду. Будь здорова, подруга.

Выйдя на улицу, Фатима пожалела о том, что пришла сюда. Ничего хорошего она от нее не услышала. Она не сказала

ничего такого, что могло бы рассеять ее тяжелые мысли. Путанные слова старухи лишь добавили смятение в душу. Трактуй их, как хочешь. Но бесспорным было то, что у Айгуль с Радиком трудная дорога и они в опасности. Слова Хадичи до сих пор четко слышатся в ушах:

– Дети заперты в этом круге. В центре этого круга – твои дети. Тебе важно знать не то, где они, а куда важнее – живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но их ждет серьезное испытание. Большое испытание.

Нева. Солнечное озеро. Россия.

Они ждали теплоход со всеми удобствами. А то, что должно было отвезти их до острова, оказалось маленьким катером. Нечего было даже думать о том, что здесь можно будет помыться, поесть и выспаться. Все удобства – голые скамейки да небольшая площадка на корме катера.

– И мы всю ночь должны ехать на нем?! – возмутилась русская женщина с ребенком на руках. – Отдохнете, понимаете ли, выспитесь...

Так думали многие пассажиры, но они не торопились поддержать разговор. Только в глазах сверкнул лучик солидарности.

– Не удивлюсь, если нас забросят на необитаемый остров, – женщина повернулась к мужу, – Слушай, Миша, а вдруг нас действительно забросят на такой остров, а?

Муж ничего ей не ответил, лишь едва заметно улыбнулся.

– А если там на нас нападет орда диких татар?

На какое-то мгновение установилась тишина. Можно было даже услышать, как пролетела муха.

Муж свободной рукой обнял женщину за шею и поцеловал в лоб.

– Успокойся, Анна, все будет в порядке.

Анна успокоилась. Больше ее слышно не было. Но слова женщины не прошли бесследно. Услышав выражение «дикие татары», Лена посмотрела на мужа и детей и стала им быстро нашептывать:

– Не говорите по-татарски. И так бросается в глаза, что мы из деревни. Не хочу, чтобы плюс ко всему над нами еще и смеялись, называя нас «дикие татары».

– А зачем...

Хамит хотел возразить, но жена тут же закрыла ему рот:

– Не противься, дорогой. Одно дело мы, но у нас ведь есть еще и дети.

Хамит улыбнулся.

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

– И имена будем говорить по-русски.

– Твое и без того русское. Елена. А вот что должны делать мы. В русском языке нет имени на «х», кроме мата, конечно.

– Папа, мы тебя будем Митя звать.– Настроение Ляйсан было приподнятым.– Подходит ведь- Ха-Мить...

– Не морочьте мне голову...

Слова Анны заставили задуматься и Халиля. Какие бы пе-

ревероты не происходили, Россия сильно не меняется. Не изменились взгляды и на татар. И хотя шовинизм уже не проявляется, но вот так, невзначай... Ладно... Роберт все равно не знает по-русски. Значит, будут говорить только по-английски. Что ни говори, они ведь все-таки американцы. А к американцам в России отношение совсем другое. И он повернулся к сыну:

– Роберт, подойди сюда. Мне нужно тебе что-то сказать.

Катер тронулся от берега. Слова женщины встретившей и проводившей их на вокзале не соответствовали действительности. Во-первых, их не ждал комфортабельный теплоход; во-вторых, это старое корыто не дало им возможности наблюдать за красотами на берегу Невы. Стоило им немного отойти от берега, как он на большой скорости ринулся вперед и, даже войдя в большие воды, когда вокруг на все четыре стороны простиралась лишь водная гладь, не снизил скорости. С входом в озеро уже трудно было понять, куда держат путь. Некоторые из пассажиров даже сомневались, знают ли направление рулевые, не сбились ли они с пути. Но, боясь, что их засмеют, вслух свои мысли выражать не стали. Однако причина была не только в этом. Пока никто между собой не общался, все наблюдали друг за другом со стороны. Дорога длинная, надо будет – познакомятся, а пока...

Это касалось старших. Молодежь же с зарождающимися в них ростками любви так думать не могла. Она только рада была тому, что на их долю выпало это старое корыто. Во-пер-

вых, здесь не было кают. Не уединенные по своим каютам, они имели возможность видеть друг друга и общаться хотя бы взглядами. Во-вторых, катер шел очень быстро. И, возможно, до темноты они смогут добраться до райского острова. А там уж и найдутся места, куда можно будет уединиться с теми, кто приглянулся.

Говорят ведь, что красота острова неопишима.

Хотя пока плыли по реке, скорость катера казалась большой, в больших водах скорость ее не чувствовалась. Под надоедливое монотонное гудение мотора время шло очень медленно. Иногда им даже казалось, что они никогда не смогут выбраться и обречены навечно остаться в этой воде. Вдохновленные в начале пути лица постепенно стали снижать.

Халиль взял телефон, он решил позвонить человеку, которого встретил в Нью-Йорке. Но у телефона кончилась зарядка. Он все же попытался набрать номер. Бесполезно. Он положил телефон в карман и уставился в окно.

Хамит посмотрел на своих домочадцев. Жена, склонив голову ему на плечо, закрыла глаза. Ляйсан и Лаис замерли, устремив свои взгляды в разные стороны. Все чего-то ждали. Он хотел что-то сказать детям, но не сказал.

Неожиданно Хамит почувствовал, что кто-то смотрит на них. Повернулся в ту сторону. Девушка на скамейке совсем не смотрела на них. А мужчина рядом с ней спал, опустив голову на грудь. Вроде больше в салоне не осталось бодрствующих.

щих пассажиров. Хотя нет. Вон та женщина что-то рассказывает мужу. По ее виду не скажешь, что она устала или разочарована. О чем-то шепотом переговаривается и пара возле них.

Через некоторое время Анна громким, способным разбудить всех голосом обратилась ко всем.

– Дамы и господа, – сказала она и, когда пассажиры повернули головы в ее сторону, улыбнулась. – Вы едете отдыхать или умирать? Не чувствую приподнятого настроения. Может быть, кто-то для сокращения дороги расскажет что-нибудь интересное?

Конечно, это было бы совсем неплохо. Но, хотя и были желающие послушать, готовых что-либо рассказать не нашлось.

– Сами и расскажите, – сказал кто-то тихо, – что уж мы...

– Среди нас есть заядлый путешественник, исколесивший земной шар вдоль и поперек Андрей Николаевич. – Анна повернулась к мужчине, который находился по соседству. – Может, он захочет поделиться с нами своими впечатлениями.

– Не знаю, о чем вам рассказать? – пожал плечами Андрей Николаевич, – во многих местах пришлось побывать.

– Расскажите про Индию, – крикнула Ляйсан, желая услышать о любви.

– Да, самую страшную историю! – подхватила ее Анна, – чтоб не спали вот так, а боялись даже глаза закрыть.

Кто-то из пассажиров улыбнулся, а кто-то даже заплодировал. Андрей Николаевич, смущаясь, вышел в центр и затих. Это был подтянутый, среднего роста мужчина. Хотя на первый взгляд он и казался лет тридцати пяти, но что-то в его облике говорило об опытности. Может, все, кто многое видел, испытал и пережил, выглядят именно так?

– Страшное, говорите, – начал он, откашлявшись. – Страшного я видел много. Но одно из них в памяти осталось навечно. В Непале мне пришлось побывать в храме богини Кали. Бывать там разрешается только индусам, а для остальных можно сказать наложен запрет. Там, сняв обувь, нужно идти по реке крови. Очередь туда с утра до вечера. Посетители приносят с собой жертвования. Например, приходишь с козой. У двери обрызгиваешь ее водой и спрашиваешь ее согласия. Только если она встряхнется, давая согласие, передаешь ее духовному лицу. Тот ее режет и ее кровью моет стены. Отрезанную голову сажают тут же на кол. Недалеко от храма у священного огня можно отведать священного мяса. За день здесь в жертву приносится несколько тысяч животных. В воздухе запах крови и смерти. Я пошел туда, как там принято, в белой одежде. Вдруг за мной неожиданно что-то промчалось и окатило меня – закололи чью-то жертву. Местное население на это смотрит спокойно. Все ходят в крови, на стенах храма – кровь, к тому же, если посмотреть на него со стороны, он стоит в парах крови. Кровь застывает на стенах толщиной в ладонь. Вечером его смывают водой.

Культу богини Кали – тысячелетия. Раньше в этом храме в жертву приносили и людей. Если хочешь в чем-то важном достигнуть больших успехов, не отделаешься только быком, нужно жертвоприношение побольше. Принесение в жертву человека давало возможность попросить у богини, чего душа пожелает. После второй мировой принесение в жертву человека строго запрещается.

В Непале я прожил достаточно долго. Так как я был хорошо знаком с основами буддизма и индуизма, постепенно стал у них одним из тех, кому они доверяли. Однажды в разговоре с одним парнем я выразил свое желание участвовать в церемонии большого жертвоприношения. Он сначала испугался. Участие иноземца в этой церемонии недопустимо. Если бы догадались, уничтожили бы и меня, и его. Но когда я пообещал за это три тысячи долларов, он обещал подумать. Это для них очень большие деньги и ради них можно было и рискнуть. Прошла неделя, одна, другая. Я уже стал забывать о нашем разговоре, как парень пришел сам и сказал:

– Есть возможность удовлетворить твое желание. Если покажешь деньги, начнем готовиться.

Слюнявя пальцы, очень тщательно он пересчитал деньги и вернул их обратно. Я даже представить не мог, как все будет. Мне казалось, что пойдем, как в театр или зоопарк, и посмотрим. Парень посмотрел на меня, как на школьника, и начал подробно объяснять:

– Надо изменить твою внешность. Три четыре дня не

брейся, обрастешь бородой, станешь темнее. А чалму и другую одежду принесу сам.

Примерно через неделю в назначенном месте меня ждала очень старая машина. Парень даже не стал пересчитывать деньги, а дрожащими руками убрал их в карман. Мы остановились лишь тогда, когда доехали до гор. Он остался доволен моим видом. Небритый, невымытый, пропыленный, к тому же и немного похудевший. Через полчаса дороги мы добрались до полуразрушенного храма. Только там парень прошептал мне:

– Если нас разоблачат, меня убьют.

Я уже раскаивался, что взялся за это дело. В храме полутьмнота. Светло только в центре, там огонь горит, сверху падает свет. Остальное уже и не помню. Был в каком-то странном состоянии, словно находился под гипнозом. Поблизости кто-то держал в руках ребенка. Это была укутанная в тряпки голая девочка. Она спокойно спала, руки свесились, волосы зачесаны назад. Девочке можно было дать и шесть, и двенадцать лет. Для принесения в жертву Кали алихе более удобными считаются девочки. Их выкупают в младенчестве и растят до определенного возраста. До четырнадцати не доводят, страшно...

Я словно раздвоился. Мне хотелось увидеть то, что, естественно, до этого никогда не видел. А с другой стороны хорошо понимал, что это убийство и мне хотелось воспротивиться этому. Но не было сил даже пошевелить пальцем. Как

прошел обряд, теперь уж точно и не помню. Сначала читали молитву, затем где-то сверкнул очень красивый кинжал. Горло девочки перерезали так аккуратно, что не было ни крика, ни судорог и кровь не разбрызгалась, а была собрана в специальный сосуд. Посеребренный сосуд был изготовлен из черепа младенца. Отрезанную голову девочки подняли вверх и унесли в сторону. Полную до краев чашу пустили по кругу. Послышался чей-то голос, похоже читали молитву. Наверное, говорили и о своих пожеланиях. Вскоре чаша дошла до меня. Я, конечно, пить не стал. Приблизив чашу к губам, сделал как будто бы глоток и отправил ее дальше. И не выразил никаких пожеланий. У меня было тогда единственное желание: вырваться отсюда поскорей и больше никогда не возвращаться.

Когда чаша сделала круг, унесли тело девочки. Меня же тошнило. Встал, раздвинув ноги, а они дрожали. Тогда до меня дотронулся мой спутник: пора было уходить.

Пассажиры слушали, забыв обо всем на свете. И хотя рассказчик был не очень хороший, но сам сюжет был устрашающим. Поэтому они слушали, представляя, будто сами являются участниками этих событий. Даже тогда, когда Андрей Николаевич окончил свое повествование, никто не осмелился нарушить создавшуюся тишину. – Все, – улыбнулся Андрей Николаевич, от радости, что закончил рассказывать такую страшную историю, – все.

– Неужели нельзя было рассказать что-нибудь более весе-

лое, – укоризненно сказала ему жена. – Потревожил сердца людей, которые и без того плывут в неизвестности.

– Ты права, жена, – улыбнулся путешественник, – прости-те уж...

– А Кали, кто это, – спросил Радик. Он еще полностью не отошел от похмелья, ему и без того было страшно. Но этому путешественнику он был благодарен. Зародив страх среди пассажиров, Андрей Николаевич спас Радика от одиночества. Если бы не было Николаевича, он бы был вынужден один находиться в состоянии страха. А сейчас все боятся, значит, все на равных. Радик не хотел выходить из этого состояния, и он решил продолжить тему страха.

– Богиня Кали?! – Андрей Николаевич больше не хотел рассказывать страшные истории, но и не нашел слов, чтобы объяснить все кратко. – Кали ... Ну-ка, кто сможет объяснить?

Лена подалась немного вперед:

– Сейчас... – она посмотрела на мужа, как бы спрашивая у него разрешения, – совсем недавно мне пришлось интересоваться индуизмом. Как известно, в индийской мифологии изображается, как в древности боролись добро и зло. Эта борьба была очень жестокой и требовала с обеих сторон тысячи воинов. Об этом подробно рассказывается в книге «Деви Махатмья». В этом же трактате говорится и про алиху. У богини, уничтожающей все зло на свете, не одно имя: Шакти, Лолита, Деви, .. Даже слово «аллах» объясняет его имя. Воз-

возможности Всевышнего безграничны и он может управлять и злом, и добром. Он всемогущ. Чтобы понять это, достаточно вспомнить день страшного суда из «Корана» или конец света из «Библии». Вот так раскрываются множество имен богини. Его можно назвать источником ненависти, проклятием вселенной и одновременно морем радости, дарующим счастье. Все это будет верно. Кали – одно из отражений разрушительной силы Бога. К сожалению, есть люди, которые и религию пытаются использовать в своих корыстных целях. Они и являются причиной возникновения культа Кали. Воспользовавшись темнотой сельского населения, они толкнули их на человеческие жертвоприношения. Конечно, не новость, что духовные служители оправдывают человеческие жертвы ради Всевышнего. Достаточно вспомнить мусульман и христиан. Но все же членов культа Кали можно сравнить лишь с сатанистами.

Хамит посмотрел на жену и улыбнулся из-под усов. Учительница. Болезнь проходит, а привычки нет – это про нее. Привыкшая всегда быть на высоте, жена была довольна. Она стояла с таким выражением, будто говорила: «Хотя мы и из деревни, но вот что даже знаем». Возможно, Лена рассказала и правильно. Хамит столько не знает. Но ему почему-то ее стало жаль. Это чувство у него появляется всегда, когда она хочет показать свое превосходство.

– Спасибо, – сказал Радик, радуясь, что тема продолжена, – но почему мы все о чужих странах говорим, черт воз-

ми. Ведь и здесь происходят такие события, что душу холодит.

Андрей Николаевич посмотрел на него с благодарностью. И ему необходим был разговор о страшных событиях.

– А вы слышали про «Остров смерти»? – спросил он, немного улыбаясь. – Нам представитель турагентства рассказала и об «Острове любви», много говорила она и о «Райском острове». Но ведь на этой реке есть где-то и остров смерти....

– Там, наверное, место всяких нечистей, чертей...

Это опять был Радик. Айгуль не одобрила то, что отец находит удовольствие в страшных историях. Она тихонько встала с места и вышла на палубу. Радик хотел что-то сказать ей, но передумал.

– Это интересный остров. Там есть все, что необходимо человеку: и еда, и жилище. Полно там и всяких драгоценностей. Но, оказывается, с острова нельзя ничего выносить. Каждый раз, когда кто-нибудь пытался это сделать, попадал в трагическую ситуацию.

В душе Лаис давно уже был не с пассажирами. Он встал с места и тихонько направился к двери. Ляйсан, догадавшаяся, куда пошел брат, умоляюще посмотрела на Роберта. Когда их взгляды встретились, она пошла за Лаисом. Роберт вовсе не понимал по-русски. Он тоже посмотрел на отца и, когда тот кивнул, пошел к дверям.

– Вы и там бывали? – спросила Анна, едва улыбнувшись. Она, вроде, была рада тому, что смогла внести оживление в

среду уже заснувших, было, пассажиров. Казалось, что только Михаилу этот разговор не очень нравится.

– Нет, я там не был. И не дай Бог побывать. Но говорят, что в последние годы там происходят очень страшные события. Попавшие туда по разным причинам обратно не возвращаются, они все куда-то исчезают. А раньше так не было. А сейчас... Мне в гостинице вот рассказывали. Семья, которая решила совершить путешествие по реке, из-за поломки катера оказалась на этом острове. С ними были и дети. Пятеро детей. Каждый вечер у них пропадало по одному ребенку. За пять дней у них не осталось ни одного ребенка. Как бы они ни искали, найти никого не смогли. А когда потерялись все дети, неожиданно стал исправным и катер. Сила, которая завела их сюда, заставила их и вернуться обратно...

– Боже мой!

– А если и мы туда попадем?

Андрей Николаевич, кажется, даже был доволен, что смог напугать пассажиров.

– Кто знает?! Все в руках божьих...

Анна, вроде, уже каялась, что разговор, затеянный ею, заканчивается в таких тонах. Как бы ища поддержки, она посмотрела на Михаила.

– Мы ведь туда не попадем, Михаил? Не попадем?

– Нет, дорогая... – Михаил попытался улыбнуться, но это ему плохо удалось. Он, чтобы не показать выражение своего лица, был вынужден обнять жену. – Нет, мы в такую историю

не попадем.

Но Анна не успокоилась.

– Ты изменился, Миша. Ты взволнован. Я знаю, ты что-то чувствуешь. Ты всегда все чувствуешь заранее.

Михаил хотел возразить ей, но не нашел нужных слов. Жена была права. Душа у Михаила была беспокойна, что-то тревожило его. Но этого нельзя показывать жене, нужно найти слова, чтобы убедить ее, что все будет хорошо.

– Нет, дорогая. Просто мне не нравится, что вы богохульствуете, Бог ведь не позволяет говорить такое...

Все слышали их слова, и в души каждого закрался страх. Лена посмотрела на Хамита,

– Надо присмотреть за детьми.

– Они ведь молодые, – возразил ей муж, – пусть поговорят со своими сверстниками. Ты что хочешь, чтоб они здесь слушали всякую чушь?!

Хамит, конечно, волновался. Когда он спокоен, не говорит так длинно. Лена ничего не сказала. Она была вынуждена согласиться с мужем. Так будет лучше.

Халиль посмотрел на дверь, но уйти было неудобно. Лишь когда увидел, что дети стоят вчетвером и разговаривают, немного успокоился.

И Радик не знал, куда девать глаза. Он боялся. Хотя сам не знал чего. Так с ним было всегда после похмелья. А сейчас к этому прибавилось еще что-то. Даже когда делал вздох, холод проникал внутрь, заставляя покрываться гусиной ко-

жей. Он неправильно сделал, что заставил углубить эту тему. Если бы боялся только он, это продолжалось бы недолго. А теперь бояться все, и кажется, что все вокруг погружено в один большой страх.

Казалось, что спокойными остаются только Андрей Николаевич с женой. Во всяком случае, на их лицах не было выражения страха. Но оставаться в спокойствии в комнате, полной страхом, казалось весьма странным.

Пассажиры на какое-то время замолчали.

Слышался только шум мотора и голоса молодых, которые о чем-то говорили, желая перекричать этот шум.

– Привет!

Айгуль вздрогнула от раздавшегося у самого уха голоса, но, увидев, кто стоит за ее спиной, улыбнулась.

– Спасибо тебе...

– Леон... – Лаис улыбнулся от собственных слов, – я Леон.

– Спасибо тебе, Леон. А меня зовут Ай... Аида я.

Девушка, приятно улыбаясь, протянула ему руку. Лаис, не отрывая от девушки взгляда, поцеловал ее руку.

– Наконец-то, – сказал он вздохнув.

– Что «наконец-то»?

– Я уже потерял надежду познакомиться с тобой. И вот наконец...

– И я очень рада, – улыбнулась девушка.

– Смотрите вы на них! Жених и невеста! – Сказанные в шутку эти слова оба встретили с улыбкой. А Ляйсан подошла

к ним и восхищенно посмотрела на обоих. – Какая счастливая пара. В добрый час!

Айгуль-Аида немного смутилась.

– А я Люда, – сказала девушка, – родная сестра вот этого товарища.

– У этого товарища есть имя. Ты по-старчески запомнила, наверное. Я твой брат Леон, а это Аида.

В это время из дверей показалась голова Роберта. Лаис-Леон, посмотрев на сестру, подмигнул. Айгуль-Аида, поняв все, тоже улыбнулась. Люда-Ляйсан, посмотрев на парня, махнула ему рукой:

– Иди сюда.

Роберт, улыбнулся и зашагал к ним. Подойдя, с улыбкой посмотрел на девушек и протянул руку Леону:

– how do you do! My name is Robert.

На какое-то время все замерли от удивления.

– Леон, – сказал парень, не зная что говорить дальше, – Ле-он...

– А я Люда, – протянула руку Ляйсан, – рада познакомиться.

– Аида...

– Excuse me but I do not talk on Russian

– This bad , – улыбнулась Ляйсан, – My English simply terribly...

– You are an American? – улыбнулся Лаис, – Never saw the alive American! Dead too...

– You all speak in English?

– Yes! Signifies all shall talk in english...

Интересно, стоило им отойти от родителей, как все превратились в русских. А стоило им увидеть Роберта-все перешли на английский и продолжили свое знакомство....

– Плохо. Я не очень хорошо знаю по-английски.

– Вы американец? Никогда не видел живого американца.

Умереть можно...

Через некоторое время пришли в себя и застывшие от страха взрослые. Вернее, их из этого состояния вывел Радик. Он боялся больше всех. Ему было как-то особенно тяжело. Ему казалось, что он попадет в какую-то беду и умрет, а на земле никто и не будет знать, что он жил когда-то. А ему не хотелось бесследно исчезнуть. То ли поэтому он резко встал и громко, чтобы все услышали, сказал:

– Меня зовут Роман! – нет, он не играл и не обманывал.

Радиком он был только для матери. А остальные с восемнадцати лет кличут его Романом. Да и сам он уже свыкся с этим.

Лишь на мгновение установилась тишина, а затем все стали называть свои имена.

– Меня зовут Лена, супруга – Николай, сына – Леон, а дочь – Люда.

– Меня зовут Хэнк. Из Нью-Йорка, Сын Роберт, говорит только по-английски.

– Андрей, супруга – Ольга.

Вдруг, оглушая все вокруг, с улицы раздался крик. Через некоторое время открылась дверь и в ней показалась молодежь. Они радостно кричали:

– The Land! The Island!

Непонимающие ничего взрослые стояли в растерянности.

Лишь Халиль-Хэнк, посмотрев в окно, улыбнулся, а потом перевел остальным:

– Земля! Остров!

Все, как один, выбежали на палубу.

– Земля! – закричали все в один голос, – Остров!

Только Михаил ничего не сказал. Показавшийся в начале маленькой точкой остров приближался со стремительной скоростью. Сейчас уже были видны и горы, и предгорья, и даже деревья на них. Остров был не очень большим. Однако там не было ни комфортабельных коттеджей, ни комплексов для отдыха, ни парков. Лишь невдалеке был виден одинокий съезжившийся двухэтажный дом. На него пока никто не обратил внимания. Только Михаил все примечал, на душе у него было беспокойно.

Он вспомнил слова той обаятельной женщины на речном вокзале:

– Остров, куда мы поедem, называется островом Полумесяца, но я бы назвала его райским уголком. Там будет возможность претворить в жизнь все ваши мечты. Комфортабельные коттеджи, рестораны, сауны-бассейны, а про игровые залы и не говорю. Вы мечтали когда-нибудь побывать в

сказочной стране? Думайте, что вы на пороге осуществления своей мечты...

Лишь на мгновение все очень зримо встало перед глазами. Но это был не обещанный остров, это было что-то совсем другое.

Хотя...

Почему он поддается таким тревожным мыслям?! Эта женщина рассказывала ведь и о маленьких островах. Возможно, это один из них?! Конечно, так. И он опять представил провожавшую их женщину:

– Озеро так же богато на маленькие райские островки. Население, живущее невдалеке, проводит здесь свой медовый месяц. Если среди вас есть влюбленные, желающие остаться наедине, им будет предоставлена такая возможность. Там есть специальные коттеджи, и наши служащие будут готовы выполнить любое ваше желание.

То, что он до сих пор вспоминает эту женщину, связано, наверное, с тем, что внешне он спокоен. А ведь с первого раза она напомнила ему кого-то...

Михаил посмотрел на всех. Все застыли, устремив взгляды на остров. Остров, несомненно, был красивым. Если не принимать во внимание съездившийся в стороне дом, то здесь мало того, чего коснулась бы рука человека, и поэтому остров напоминал начало зарождения жизни на Земле. Издалека и сам остров казался полукругом. Было ощущение того, что Земной шар ушел под воду, и на поверхности оста-

лась только лучшая ее часть. Остров небольшой, размером с тубетейку. Неопишуемая красота этого маленького острова поражает, наполняя душу какими-то необъяснимыми чувствами. Возникает даже ощущение, что находишься не на земле, а в космосе и, перемещаясь с одного места на другое, открываешь новые планеты. От этой неопишуемой красоты происходит и самоочищение. Это не понять и не объяснить, это нужно увидеть и прочувствовать самому. Происходит переход в совершенно другое измерение.

Но Михаил не смог успокоиться до конца.

Хотя не было ни одной причины, чувствовать себя обманутым, поддаваться панике. Все подходит. Провожающая женщина говорила же, что только на утро будем в положенном месте. А этот – лишь встретившийся на пути один из мелких островов. Должно быть так. Поэтому совсем не нужно беспокоиться.

Но на душе у него все же было тревожно. Хотя все и было логично, но что-то не давало ему покоя.

Пассажиры, взяв чемоданы стали готовиться к спуску на остров. Настроение у всех было приподнятое. Катер стал замедлять ход, и вскоре левым боком причалил к берегу.

– Выходите на остров с вещами! – послышался зычный голос. – Приехали.

Все зашагали к трапу. Только Михаил подошел к капитану:

– Но это не тот остров, что нам обещали... – сказал он,

как бы извиняясь, – мы и вправду приехали правильно?

– Мы приехали правильно, – как бы передразнивая его, ответил капитан. – Возьмите свои вещи и выходите на остров. Скоро наступит темнота. До этого вам нужно вон в том доме занять комнаты и расположиться в них. Здесь нет ни электричества, ни ничего другого.

– Как это так?

– Так. А завтра спозаранку опять тронетесь в дорогу. Вас заберет другой теплоход. Мы дальше идти не можем, корыто в плохом состоянии. За непредвиденные неудобства просим прощения.

Почти насильно он вывел Михаила на остров и снова поднялся на катер. В тот же момент убрали трап. Усилился гул моторов, катер тронулся.

– А что нас никто не встречает?! – сказала Анна так, чтобы слышно было всем. – Должны же быть встречающие.

Никто ничего не ответил. Как бы ожидая возвращения катера, все смотрели на озеро. Даже тогда, когда катер превратился в маленькую точку, никто не сдвинулся с места. В души поселилась тревога.

– А Сережа до сих пор не просыпается, – сказала Анна, прислоняясь к мужу, – спит себе...

Санкт Петербург. Россия.

Мужчина, взяв из кармана черной куртки письмо, протянул женщине:

– Все, как договорились. Пересчитайте.

– Спасибо, – Лолита, даже не считая, положила конверт в портфель. Улыбнулась. Встала из-за стола. Она была уже не в форме турагентства. Распушенные черные длинные волосы, подчеркивающая всю ее женскую красоту кофта, короткая юбка. А шоколадного цвета кожа придавала ее облику какую-то сладость, так и хотелось ее попробовать. А привлекательный лучистый взгляд из-под черных бровей заставлял каждого беспрекословно подчиняться ей. Пухлые, словно спелая вишня, губы, придавали ей особую нежность, за счастье почиталось даже возможность постоять рядом с ней. Сделав два шага в сторону выхода из номера, она вдруг остановилась и вернулась к не успевшему еще встать с места мужчине:

– Можно еще спросить?

Мужчина насторожился. Как будто в первый раз, осмотрел женщину с ног до головы. Улыбнулся. Весь его облик как бы говорил: «Я вас не нанимал, чтобы вы беспокоили меня никчемными вопросами. Но ради вашей красоты уступаю...»

– Что еще, Лолита?

Женщина на какое-то мгновение засомневалась, но потом все же решила спросить.

– А вы не боитесь? – сказала она, вкладывая в свои слова понятный только им двоим смысл, – не боитесь, или ничего не знаете?

– Чего? – хотя эти слова и были сказаны напрямую, но в них чувствовалось, что мужчина хорошо знает, чего нужно опасаться. Но женщина решила не играть в прятки. Она достала из портфеля небольшой файл и кивком головы указала мужчине, что нужно его прочитать.

Мужчина, взглянув на файл, улыбнулся.

– Предлагаешь почитать газеты, – сказал он, отодвигая файл обратно, – спасибо, но я вовремя знакомлюсь с нужной мне информацией.

Женщина достала из файла несколько газет и положила их перед мужчиной. Названия статей она обвела красными кругами.

– «После пребывания на острове смерти у женщины исчезла трехмесячная беременность», – прочитал он первую попавшуюся ему на глаза газету, – Ну и что? Это о вас что ли?

Лолита оставила без внимания его попытку пошутить.

– Вы только что отправили туда группу людей.

– А при чем тут остров?

– А вас не смущает то, что беременность исчезла?

– Нисколько. Ничего нет странного в том, что в утробе матери исчезает зародыш. Ученые объясняют это тем, что он не созрел и снова как бы «впитался» в организм. Причина только в этом.

Женщина не ожидала такого ответа. На какое-то время она даже растерялась. Но быстро взяла себя в руки:

– Но... Но исчез ведь трехмесячный ребенок... И это не единичный случай. Вы взгляните и на другие статьи.

Мужчина посмотрел на нее с сожалением, как на человека, который тронулся умом.

– Не смейтесь надо мной. Вот о чем пишут: «Группа рыбаков, у которых сломалась лодка, были вынуждены остановиться на острове смерти. Здесь они пробыли несколько дней. Первый день прошел спокойно. А со второго дня стали исчезать люди...»

Мужчина громко засмеялся.

– А вы знаете, чем славится эта комната гостиницы? Конечно, об этом громко не говорят. Но именно в этой комнате ночами летают сердца. А если здесь одну ночь проведут всякие мужчины, после ночи проведенной здесь они превращаются в насильников и маньяков – убийц.

– Вы смеетесь надо мной.

– Нет, Лолита. Вы думаете, об этом ничего не писали в газетах? Завтра же отнесу в редакцию, и буквально через неделю выйдет устрашающая статья.

– Хватит.

– Извините, но если начнешь верить всему, о чем пишут в газетах, можно сойти с ума. Думающие только о деньгах и тиражах журналисты сейчас готовы выдумать все. А вы полностью верите их словам.

Женщина на какое-то мгновение осталась без слов. Ей было обидно, что мужчина совсем не обратил внимания на ее

слова.

– Вы не наш человек. Поэтому на все смотрите с улыбкой... – сказала она безнадежным голосом. – Если бы вы знали, что здесь происходит, слышали разговоры про остров, то так бы не поступали.

– Я вас понимаю, Лолита. Спасибо за предупреждение.

– Спасибо, – сказала, как бы передразнивая Лолита, – вы ничего так и не поняли.

Мужчине стало жаль ее.

– Прежде чем пойти на это, я неделю один жил на этом острове. И ничего сверхъестественного там не заметил. Ничего не случится и с моими гостями. Не переживайте Вы ни о чем.

– Остается молиться только Богу. А для чего все это нужно?! Что вам это дает?

Мужчина замер. Об этом и он много думал. Но не смог найти достойного ответа.

– Не знаю, я так хочу.

– А если случится что-то непредвиденное?

– Не случится, не должно.

– Хорошо, – женщина опять повернулась к двери.

Именно в этот момент мужчина понял: он не хотел, чтобы эта красивая женщина уходила. Мужчина и сам хотел во всем разобраться. Он и сам сомневался в своей правоте, его пугала ночь в одиночестве.

– Мне нужно уходить.

Женщина, устремив на него тоскливый взгляд, на мгновение замерла. И она не хотела уходить.

– А почему вы мне все это рассказали? – спросила она после некоторого смущения, – достаточно ведь было сказать, кого встретить и куда проводить.

– Не знаю, Лолита. – Мужчина встал с места, – Вы никуда не торопитесь?

Женщина устремила на него.

– Есть еще какая-то работа?

Мужчина встал прямо перед ней. Какое-то время они смотрели друг на друга.

– До свидания, – сказала она, сама не веря себе.

– До свидания, – сказал он хриплым голосом, – Лолита.

И тихонько погладил ее за волосы, а потом ласково при-тянул к себе и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась...

2. Ночь кошмаров

Тишину нарушил Андрей Николаевич.

– Всякое в жизни случается... Давайте войдем в дом и устроимся там. До темноты осталось совсем ничего.

– Неужели здесь нас никто не встречает? – опять о своем заговорила Анна. – На таком острове... Мы совсем одни. Ужас.

– Идем, дорогая, – Михаил взял сумки и зашагал к дому.

Остальные последовали за ним.

Стали подниматься по одному по узкой тропинке. То ли из-за крутого склона, то ли из-за тяжелых вещей, но желаю-

щих поговорить не было.

Неопределенность всегда вызывает тяжелые чувства. Все мечтали попасть в райский уголок, отдохнуть так, чтоб запомнить на всю жизнь и вдруг вместо всего – необитаемый остров.

Хотя остров был небольшим, но наличие на нем густых лесов само уже вызывало определенные сомнения. Напоминающий сплошную гору остров навевал тяжелые мысли. Казалось, что в них проживают какие-то страшные существа.

Очень красивый на первый взгляд остров через некоторое время поменял свой вид. Казалось, он почувствовал присутствие чужаков и старался от них избавиться, напугать. Хотя пока не произошло ничего, что бы заставило думать именно так. Остров, каким был, таким и остался. Но это было только внешне... Нет, сам остров не менялся, но он изменял отношение людей к себе: они чувствовали себя здесь совершенно чужими, одинокими.

Возможно, так показалось только Михаилу. Хотя, наверное, не только ему. Вон ведь все какие-то съездившиеся, прижатые. Никто ничего не говорит.

Может, виной всему совсем не остров. Просто люди устали с дороги. Причиной тоски, возможно, стало и то, что не добрались до нужного места и поэтому не смогут как следует отдохнуть. Вот разместятся все по комнатам, отдохнут, перекусят и опять остров покажется удивительно красивым уголком.

Поднявшись до дома, все остановились в удивлении, глядя на открытые двери. Это был старый деревянный двухэтажный дом. Несмотря на старость, гордо стоит полноправным членом этого мира.

– Интересно, а кто построил здесь дом?!– сказал Лайс-Леон, – а ведь совсем неплохой...

Никто не ответил, лишь пожали плечами.

– А почему интересно его бросили?– тревожно улыбнулся Андрей Николаевич, – А ведь здесь красивые места!

– А может, и не бросил, – посмотрела Ольга на мужа. – Возможно, он изредка приезжает сюда, ведь не далеко.

– Андрей Николаевич, вы же много повидали, – обратилась к нему Елена, – не скажете, как называется этот остров?

– Нет, сегодня не скажу, завтра тронемся в дорогу тогда...

– А что будет, если сейчас скажете?

– Нельзя, давайте не будем стоять здесь, а войдем в дом.

Все, как будто того только и ждали, зашагали вперед.

Дом только с наружи выглядел таким компактным, а изнутри он был очень просторным. Всем хватило и комнат. Каждый выбрал себе по душе, оставил вещи и вышел обратно. Хотя и казалось, что здесь не ступала нога человека, остров был очень удобным: вода, газовая плита, даже туалет внутри здания. Это вызвало неподдельную детскую радость у всех, они бурно делились впечатлениями друг с другом.

– Смотри, газовая плита! Работает!

– Даже вода есть!

– Туалет! В жизни не поверить, он в доме!

– Был бы еще телевизор!

– Или радио...

– Но здесь нет электричества...

– Девочки, нужно будет накрыть стол.

– А что приготовим?

– Пока выложим только то, что привезли с собой. Перекусим, а там посмотрим. Вон мужчин отправим ловить рыбу.

Действительно, когда разместились, остров уже не казался плохим местом. Во всяком случае, здесь можно было жить и отдохнуть от повседневной суеты. Жизнь уже не казалась такой мрачной и холодной.

Приподнятое настроение за столом продлилось недолго. Хотя и распределились, кто пойдет ловить рыбу, кто по ягоды, но вскоре отошли от этих мыслей. Решили сначала изучить остров, но потом, походив около дома, и не почувствовав облегчения, пошли немного отдохнуть. Наступила темнота. Но это никого не расстроило. Обрадовавшись, что не нужно больше волочиться по острову, каждый пошел в свою комнату. Для Роберта и Ляйсан не могло быть удобнее момента. Они с самого начала, когда другие ходили около дома, как-то встретились и отделились от остальных. Это произошло у них произвольно. На глазах у всех невозможно было и разговаривать. А так хотелось о многом поговорить, рассказать друг другу многое. А среди остальных поговорить

по душам было невозможно, бросать же пустые фразы было не интересно. Поэтому они и искали уединения, но на глазах у родителей в первый же день уединиться в лесу, было неудобно. К счастью, с наступлением темноты все поспешили в дом. Елена шла самой последней, она лишь выразительно посмотрела на дочь и ничего не сказала. Мать в отношении парней придерживалась строгих правил, а в этот раз то ли Роберт понравился, то ли была другая причина, не понятно.

Но стоило им остаться вдвоем, как стало не о чем разговаривать. О пустяках же говорить не хотелось. А чтобы высказать то, что хотелось, казалось, не хватит смелости и словарного запаса. И они застыли, прислонившись к деревьям. Но им не было трудно. Они стояли вдвоем и ничего не говорили, но им не хотелось уходить, это уже о чем-то говорило. Лишь мысль: « Не скучно ли ему стоять вот так со мной, не уйдет ли в дом?» – заставило ее сказать что-то. Но все равно она не нашла нужных слов. Хотя не важно было, что говорить.

– А я в России в первый раз, – сказал, наконец, Роберт, – до этого я здесь ни разу не был.

Ляйсан ничего не ответила. Голос его был настолько приятным, что казалось, он не говорит, а ласкает.

Они помолчали.

– Я даже не знаю ни одного слова по-русски, – сказал парень, – Ты меня научишь?

– Научу, – вдохновилась девушка, – Давай прямо сейчас

и начнем.

– Начнем.

– Я тебя люблю, – сказала девушка, прямо взглянув в глаза парня. – Я тебя так сильно люблю!

Парень ни слова не понял. Но почувствовал, что девушка сказала что-то очень хорошее.

– Я тэбэ лубью! – повторил он старательно. – А что это значит?

Девушка громко засмеялась. Смеялась от души. Роберт тоже присоединился к ней. Он смеялся, а когда немного успокоился, снова повторил: «Я тэбэ лубью!» Перестав смеяться, девушка посерьезнела и, посмотрев полными ласки глазами на Роберта, произнесла:

– I love you!

Не ожидавший этого парень, не веря своим ушам, замер от удивления. А, поверив, сразу стал более серьезным и кончиками пальцев дотронулся до волос девушки:

– And I love you ...

Ласковые пальцы Роберта нежно дотрагивались до волос девушки и притягивали ее к себе. Ляйсан было хорошо и одновременно неудобно. Девушка должна быть гордой. Нельзя с первой встречи сразу вот так растаять. Но горячее дыхание парня уже ласкало ее. Горячая волна охватила ее всю. Хочется губами прикоснуться к полным губам Роберта. Но нельзя. Нет.

Когда их лица должны были вот-вот соприкоснуться, де-

вушка положила палец на губы юноши:

– Нет, Роберт... Ты меня неправильно понял...

Роберт удивился. Он тоже вроде забылся на время. Приходя в себя, поморгал глазами. И, виновато улыбнувшись, незаметно кивнул головой.

– Я тебя люблю, – сказала девушка.

– Я тэбэ льюбую!

– I love you, – так будет по-английски.

Роберт стоял какое-то мгновение в смятении, а потом громко засмеялся:

– А я то дурак...

– Нет, Роберт, – посмотрев на него широко раскрытыми глазами сказала девушка, – ты не дурак...

Она поняла, что неправильно выразилась, и смутилась. Это заметил и Роберт. Девушка улыбнулась. Парень, сам не заметив, как потянулся к ней, вынужден был тоже улыбнуться.

– Ты не дурак, – поспешила исправить свою ошибку Ляйсан. – Ты быстро усваиваешь язык. Какое еще слово будем учить?

– Россия – красивая страна. – Роберт с улыбкой посмотрел на девушку, – потому что там есть Люда.

Девушка улыбнулась.

– Она стала красивой только тогда, когда приехал ты, – это девушка сказала на татарском, – ты не только Россию, а весь мир украсил.

Роберт остался без слов. С одной стороны, очень волнительными были слова девушки, а с другой – что она разговаривает по-татарски. Он тоже хотел что-нибудь сказать девушке на татарском, но остановился. Пока не надо говорить. Так интереснее будет.

– Не понял, – сказал он, стараясь не смотреть прямо в глаза девушки, – повтори еще раз.

Девушка хитро улыбнулась и повторила слова о России на русском языке. По слогам, но слова «потому что там есть Люда» не сказала.

– Люда!

От неожиданного оклика девушка вздрогнула. Это был Лаис.

– Люда, – прошептал он еще раз, – вы где?

– Что потерялся что ли?

– Тебя ищу.

– Надо позвать Аиду?

– Нет, тебе велели заходить.

– Сейчас, ты пока иди....

Вскоре послышался звук закрывающейся за Лаисом двери.

– Сам видел, – виновато улыбнулась Люда, – ладно урок продолжим завтра.

– Постой немного...

Нет, Роберт. Нехорошо, если выйдет мама. – девушка прислонила голову к груди парня, но тут же отпрянула., – до зав-

тра...

– Послушай...

Собравшаяся было уходить девушка, остановилась.

– Что еще? – мило улыбнулась она и, вернувшись, погладила парня по лицу – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Не закрывайся, ладно.

– Придешь воровать?!

– Нет, приснюсь тебе.

– Хорошо, до встречи во сне.

Девушка побежала к двери.

Когда Люда вошла в дом, Роберт стоял, не зная с кем поделиться радостью, затем подошел и обнял дерево, к которому прислонялась Люда. Показалось, что на нем осталось тепло любимой. Он прижался лицом к дереву и закрыл глаза. Было хорошо. Так он простоял долго. Но надо было идти в дом. Наверное, и отец волнуется. Надо идти. Он открыл глаза и вздрогнул, увидев, что около него кто-то стоит. По телу пробежали мурашки. Может, мне это только мерещится, – подумал он и поморгал глазами, но фигура не исчезла. Он приближался без шума. И хотя Роберт понимал, что надо бежать или кричать, но сделать ничего не мог, стоял, как вкопанный...

Радик был доволен сегодняшним днем. Он почувствовал себя человеком. Весь день он мучился от похмелья, но до вечера не взял в рот ни капли. Да, утром он немного принял,

но после ссоры с дочкой, дал себе слово не пить и вернуть уважение дочери. После этого даже не вспоминал о выпивке. Хотя это неправда. О выпивке он, конечно, думал и думал постоянно. Он хотел опохмелиться, принять грамм пятьдесят, но не принял. А это было настоящее геройство! Победа!

Конечно, и раньше бывало так, что он ложился спать трезвым. Но это совсем другое. В другое время он не пил из-за того, что не было денег и, когда ложился спать, мучился, не мог уснуть. Ему тогда казалось, что жизнь прошла впустую. И тогда он начинал унижать себя. Быть мужиком и за целый день не найти возможности купить бутылку. Зря не зашел к Маше, она никогда не живет без запаса. Если бы не пожалел своего красноречия, всяко дала бы рюмочку. Так он изводил себя.

А сегодня.... Сегодня у него в кармане были деньги, и была возможность купить водку. И не только это. В кармане пиджака у него лежала в плоской бутылке чекушка. При желании можно было выпить хоть где. Но он не сделал этого. Вытерпел. Победил. Он даже нашел в себе силы выбросить ту бутылку в форточку! Значит, он бросит пить. Начнет снова жить по-человечески. Вон какой красивой девушкой стала Айгуль. Имея такую дочь, разве можно быть посмешищем?! При первой встрече она как-то была даже ближе к отцу. Только когда он начал в дороге выпивать и говорить непотребные вещи, ее отношение изменилось. Неправильно поступил Радик. Ему нужно было потерпеть, пока вернутся

домой. Только сейчас он может остаться в памяти дочери хорошим отцом. А потом, если потерять ее уважение, можно считать, дочь потеряна им навсегда. Радик сегодня был очень доволен собой. Он представлял себя сильным, способным на многое человеком.

Видите ли, в то время, как он беспробудно выпивал, якобы выиграл большие деньги. И сейчас они едут за ними. Очень большие деньги! Сто тысяч! Если подумать, на них можно купить тысячу бутылок хорошей водки, которые можно пить в течение почти трех лет. Но Радик ни за что так не сделает. Как только получит деньги, сразу отдаст их Айгуль. Пусть делает, что хочет. Пусть забирает их себе. Для своего ребенка ничего не жалко. Он улыбнулся, нет ничего приятнее, чем быть щедрым и душевным. Нет чувства приятнее, чем ощущение того, что ты хороший человек. Радик был счастлив.

– Дочка...

Никто не ответил. Каждая семья расположилась по разным комнатам. На первом этаже всего пять комнат, три из них – двухместные, две – четырехместные. Они выбрали четырехместную. Эта комната разделена на две части, поэтому была удобна для них. Другую такую же комнату выбрал Николай. Остальные разместились в двухместках. Никому не захотелось подниматься на второй этаж.

– Айгуль...

Даже если спала, Айгуль должна была его через стену

услышать. Но она не ответила.

– Дочка, извини меня за все, ладно... Я больше... Я решил, дочка, бросить пить. Ради тебя... Ты слышишь меня, дочка?

Ответа не было.

Айгуль, наверное, уснула. Если бы просто была обижена, что-нибудь сказала бы. Ладно, пусть спит.

– Спокойной ночи, дочка...

Вскоре и Радик уснул счастливым сном.

Но ощущение счастья долго не продлилось. Из окна появился какой-то туман и обернул его. Конечно, это был только сон. Туман приснился ему только во сне. Этот туман укутал Радика, словно одеяло, и через мгновение исчез. Было не понятно, куда он исчез. Но с этого момента резко что-то изменилось. Радик уже не чувствовал себя счастливым. Нет, даже не так. Он переместился совершенно в другой мир. Он превратился в совершенно другого человека. Казалось, он видит не сон, а смотрит какой-то фильм. Но он был одновременно и зрителем, и участником данного фильма. Радик даже понимал, что видит какой-то странный сон. Но выйти из этого состояния не мог.

Он был маленьким мальчиком. Городским. С Ильнуром. Это еще кто? Ильнур... Ильнур... Они с Ильнуром шли по городской улице.

– Давай подойдем к киоску, – неожиданно сказал Ильнур.

– У меня нет денег.

– У меня есть. Пойдем.

– И вчера воспользовались твоими, – сказал Радик, виновато посмотрев на товарища. – Я забыл спросить у отца.

Конечно, спросить он не забыл. В последние дни он не видел отца трезвым. Из-за того, что отец каждый день приходит пьяным и начинает буянить, ушла куда-то и мать.

Такого в жизни никогда не было. Отец Радика не пил вообще. Что же это за странный сон? И как он может понимать, какой сон он видит? Этого он никак не мог понять. В конце-концов решил смотреть, не споря. Он одновременно был и зрителем, и участником.

– Ладно уж, не заставляй упрасивать себя, как девочка. Что особенного в деньгах...

Ильнур, достав из кармана пятьдесят рублей, протянул их Радике и насильно потащил к киоску.

– Идем, купим какой-нибудь вкуснятины.

Радике было неудобно. Но сравнение с девочкой очень задело, и он вынужден был молча следовать. Ильнур старше его на год, ему уже тринадцатый пошел. У него много друзей и знакомых. Радик иногда завидует ему. Сам он не такой, не сразу находит общий язык с людьми, стеснителен. Поэтому и друзей можно по пальцам пересчитать.

– Ильнур..

– Что?

– Может, все-таки не пойдем?

– Ну, вот ведь почти дошли. Что с тобой случилось? Ни-

когда не был таким упрямым.

– Не хочется. Ноги не идут.

– Если ноги не идут, ты их веди. Пошли.

Радик больше не сопротивлялся. Действительно, они почти подошли уже. Если пройти через арку этого девятиэтажного дома и пройти по стройплощадке шагов двадцать – уже и киоск. К тому же и день жаркий, солнце печет, и пить хочется. Радик прикинул: сейчас они вместе с водой купят еще жвачку, шоколад, пакетик сметаны и у них от пятидесяти рублей останутся копейки. Ильнур – самый большой враг денег. Будь у него в руках пятьдесят или пятьсот, не вернется домой, пока не истратит до последней копейки. И вчера, купив килограмм колбасы, они угощали кошек вон того подъезда. Каким бы странным мальчиком ни был Ильнур, а животных любит. Во дворе вся живность его узнает. Стоит появиться во дворе, и кошки, и собаки, забыв о вражде, бегут к нему ласкаться. Мальчик, забыв обо все на свете, начинает возиться с ними. В это время у него рот до ушей, он счастлив. Конечно, животных любит и Радик, но Ильнур как-то по-особенному.

Вспомнив об этом, Радик улыбнулся.

– И сегодня будем угощать кошек? – сказал он, ощупывая в кармане пятидесятирублевую бумажку, и направился к забору вокруг стройплощадки. – Вон твой дружок забрался на забор.

Актуш (кот был черный, только грудь белая), где бы он ни

ходил, всегда держал хвост столбом, услышав их, остановился, а потом как бы в улыбке широко раскрыл рот и сказал: «Мяу!» Ильнур звонко рассмеялся.

– Здорово, браток!

Он потянулся к забору, чтобы погладить кота, но тот резко прыгнул внутрь.

– Ах, ты... – Ильнур в этот момент казался отцом, играющим со своим сыном, – Ах, ты так. Сейчас я тебя...

Мальчик быстро перескочил через забор. Радик какое-то время наблюдал за ними с улыбкой, а потом следовал за Ильнуром. Кот наблюдал за ними, стоя на кирпичах, а когда мальчики стали приближаться, спрятался под шифером.

– Кис-кис-кис! Ах, ты еще со мной не считаешься?! – Ласковый голос друга приятно грел и душу Радика, он восхищался им. – А я тебя все равно поймаю. Поймаю, и мы пойдем в магазин. Я тебе такой... Я тебе такое вкусное... Ну, я тебе все покажу, а ты выберешь, что захочешь. Кис-кис-кис...

Радик улыбнулся, представив, как кот ходит по магазину и выбирает. Осталось только одеть ему на голову шляпу, а в лапу дать корзину. Лучше кота-покупателя не будет. Ха-ха-ха...

Актуш убежал в дверь недостроенного дома. Мальчики последовали за ним. Но кот в тот же момент стремглав выбежала обратно и, ударившись об их ноги, куда-то убежал.

– Что с тобой случилось? Кого испугался? – голос Ильну-

ра звучал ласково.

Радик, уставившись в темноту, пытался найти, что же могло напугать кота. Неожиданно в глубине пошатнулась какая-то тень. По телу Радика побежали мурашки, выступил холодный пот. То, что он увидел, казалось очень большим и страшным. Ища поддержки, он оглянулся назад, но Ильнура не было. Наверное, побежал за котом.

– Куда ты пошел? Кис-кис-кис... – слышался только его голос. – Радик, ты не видел?

– Не...

Мальчик не успел закончить, чья-то большая рука закрыла ему рот, Радик попытался освободиться, но рука держала его сильно. Он сжал его так, что невозможно было освободиться, и прошептал прямо в ухо:

– Молчи! Не кричи! Иначе... Сверкнув в темноте, что-то холодное устрашающе приблизилось к его горлу. Нож! У него есть нож! Радик опять попытался освободиться, но горло прожгла тупая боль, и что-то горячее капнуло на грудь.

– Кровь! Он зарезал меня!

– Я не шучу, – прошептал голос над ухом, – если сделаешь малейшее движение, зарежу. Понял?!

Радик не успел ответить, как рот его закрыли чем-то холодным. Вроде, это был скотч. Он упал лицом на пол. Из глаз посыпались искры.

– Радик, не шути, куда ты спрятался?

Вначале голос Ильнура еще слышался, но потом, разде-

лившись на какие-то отголоски, совсем пропал.

Вдруг резко он перестал быть Радиком и превратился в совершенно другого человека. Он был злодеем, поймавшим ребят в подвале. Осмотрелся по сторонам. В подвале недостроенного дома темно, хоть глаз выколи. Кто бы ни оказался здесь, обязательно упадет и поранится. Кто бы это ни был. Кто бы ни был, только не он. Он человек тьмы, поэтому в этом подвале ходит, словно при солнечном свете, видит абсолютно все. Он! Он – Человек Тьмы! Он должен спасти от гибели Земной шар, который от бесконечных грехов людей утопает в черной копоти. Бог его произвел на свет для этого. Люди распустились, они ни во что не ставят ни Бога, ни мир, окружающий их. Даже духовные служители, которые призваны доводить до людей слово Божье, превратили свое истинное предназначение в заработки. Обманывая людей, стремясь как можно больше накопить добра, они создают лишь видимость служения Богу. А души... Души полны черного коварства, безграничной грязи, нескончаемого безобразия. Даже духовные служители! Что уж говорить о простых смертных! Люди, погрязнув в распутстве и грязи, тянут мир к гибели. Нет сил, чтобы с ними бороться.

Кроме него.

Есть он.

Единственное существо, на кого надеется Всевышний. Он его опора. Он не должен допустить гибели!

Но он один.

Людей много.

Лет через пятьдесят своей смертью умрут не только старики, но и считающая себя пупом земли – молодежь. Они не страшны. Это лишь дело времени.

Самое страшное – их дети. Вот кого надо уничтожить сегодня. Надо уничтожить будущее впавшего в распутство человечества. Только тогда Земной шар спасется от вируса по имени человек. Только тогда Всевышний сможет вздохнуть спокойно.

Но люди не бездействуют. У них постоянно рождаются дети. Их много. Только он один. Один он, конечно, не успевает. Но нужно сделать все, что в его силах и даже больше. Он и до этого одного за другим отправлял детей к Богу. Многих отправил. Вот только действовал он в маленьких городах, лишая жизни заблудившихся то там, то здесь ребятишек. Сейчас его возможности расширились. Переезд в этот город был для него большой удачей. Только в фундаменте этого дома столько детей лежат! Это большая победа. Это очень большое благодеяние.

Дети, не успевшие подрасти и погрязнуть в грехах, испустившие дух чистыми и безгрешными, в судный день будут безгранично благодарны ему. Они еще ему будут поклоняться!

Он улыбнулся.

Показалось, что от его улыбки в комнате стало еще светлей. На голом полу трепыхаются два мальчика. Две победы.

Две счастливые души, которые освободятся от этой жизни до того, как успеют совершить грехи. Он снова улыбнулся. Вот ведь какое у него святое дело. Какая святая у него душа. Восхитительно. Наслаждаясь состоянием своей души, закинув голову набок, он смотрел на мальчиков. Они были такими красивыми. Чистыми. Безгрешными. Есть люди, которые дарят всем красоту. Это художники, певцы, поэты. Он тоже был поэтом своего дела, только дарил людям не искусственную, а настоящую красоту. И дарил ее не людям, этим грешным существам, а самому Богу! Он Богу дарит красоту и чистоту...

– Маленькие вы мои... – Некоторое время он с особой нежностью смотрел на них и, взяв нож, шагнул в сторону невысокого мальчика. Душу его переполняло добро. Благие чувства теплой волной распространялись по телу. Это была любовь. Это была волшебная любовь к Богу. С чувством безграничной любви он подошел к Радика. Дрожащего от страха мальчика он нежно погладил по волосам. Душу его переполняли такие светлые, такие святые чувства, что на глаза навернулись слезы.

– Безгрешное существо, – сказал он, лаская мальчика по лицу, – как ты счастлив тем, что не попадешь в болото, затянувшее взрослых...

Опять неожиданно пронесся тот туман. Он показался лишь на одно мгновение и рассеялся. Но для Радика опять что-то изменилось. Он был уже не Радик. И он не Человек

Тьмы. Он превратился в кота. Он стал котом. Он был Актуш. Стремглав выбежал из подвала и резко остановился.

Конечно, он был очень напуган. Он знал Человека Тьмы, чувствовал смертельный холод, исходящий от него, и понимал, что стоит ему проявить невнимательность, как попадет под его влияние и до конца жизни будет вынужден служить ему.

Но в подвале были его друзья. Он колебался, глядя на дверь, ведущую в подвал.

Вышло как-то нехорошо. Получилось, будто он специально передал друзей в руки Человека Тьмы. А ведь Актуш хотел им только добра.

Сегодня утром, когда прогуливались с Назлыбика, заглянули и в этот подвал. Каждый раз, когда он приходил сюда, в душу закрадывался страх, слышались какие-то странные звуки, в нос ударяли леденящие душу запахи. Один он сюда старался не приходиться, но с Назлыбикой не показывал своего страха. Утром Человека Тьмы еще не было. Тогда в углу среди комнат он и заметил кожаный мешок со столь дорогими для людей бумагами. Встретившись с друзьями, он порезвился с ними, но, вспомнив про мешок, привел их сюда.

Ему и в голову не могло прийти, что будет так. Вообще, люди – странные существа: захочешь сделать им приятное, обязательно попадешь в беду. Однажды, когда у магазина он дал пустышку малышу, его чуть не убили. Вовремя успел убежать. Пусть живут, как хотят. К тому же он был невысо-

кого мнения о людях. Страшно сильные, трусливые и ненадежные люди. Они в любой момент могут оставить тебя в трудном положении. Но если брать в целом, то среди них немало и совершенных людей. Вот эти двое, что лежат под ножом Человека Тьмы в подвале, именно такие.

Актуш потянулся к подвалу, но остановился. Страх уже прошел. Но он был бессилен перед Человеком Тьмы. Конечно, можно броситься на врага и перегрызть его горло. Если на это не хватит смелости, исцарапать его лицо, поранить руку, держащую нож. Но Актуш решил так не делать. Это было не в его правилах. Во-первых, бог кошек Великая Персона не велел проливать кровь людей. И правильно сделал. Если испачкаешься в человеческой крови, век не отмоешься. Во-вторых, перегрызть горло сумасшедшего человека — еще не значит, что будет уничтожен Человек Тьмы. Конечно, люди поступили бы именно так. Они бы застрелили Человека Тьмы и, увидев его труп, подумали бы, что избавились от него навсегда. Поэтому Великая Персона и сделало их людьми, а не Котами.

Актуш устремил взгляд на небо. На небе ярко светило солнце.

Солнце.

Луч.

Солнечный луч может даже льды растопить и превратить в пар. Он любое вещество может довести до кондиции и вернуть в первоначальное состояние.

Против холода есть только одно оружие - Тепло.

Против тьмы только одно оружие – Свет.

Источник тепла и света – Луч.

Солнце.

Актуш почувствовал, что каждая клеточка его тела наполняется лучом. Ему казалось, что весь он сверкает даже при свете дня. Актуш сладостно потянулся и нежной походкой зашагал к подвалу. Актуш почувствовал устрашающие запахи, услышал странные звуки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.